

**ВОЗДУХ,
КОТОРЫМ
ОН
ДЫШИТ**

БРИТТАНИ Ш. ЧЕРРИ

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Annotation

Ни один из них не искал новой любви... Они просто хотели вновь научиться дышать после страшной потери... Год назад Элизабет потеряла в автокатастрофе любимого мужа, а Тристан – мрачный, грубый городской монстр, который живет на окраине леса в неухоженном доме, – глубоко в душе спрятал воспоминания о гибели жены и сына. Они пытались обманывать и обманываться, по-соседски дружить и расставаться, пока не поняли, что любят уже не прошлое. Из боли родилась новая любовь. Но когда друзья предостерегали Лиззи держаться подальше от Тристана, она и представить не могла, что судьба нанесет смертельный удар...

Бриттани Ш. Черри

Воздух, которым он дышит

Каждому белому перу спасибо за напоминание

Пролог

Тристан

2 апреля 2014 года

– Ты ничего не забыл? – спрашивает Джейми.

Она стоит в прихожей дома моих родителей. Прекрасные синие глаза улыбаются, словно напоминая, как же мне повезло называть эту девушку своей.

Я подхожу и обнимаю ее, притянув ближе к себе.

– Да. По-моему, это оно, детка. По-моему, это наш шанс.

Она обвивает руками мою шею и целует меня:

– Я так горжусь тобой.

– *Нами*, – исправляю я ее.

После стольких лет мечтаний моя цель – создавать и продавать мебель ручной работы – наконец-то воплощается в жизнь. Отец, мой лучший друг и партнер по бизнесу, и я – мы оба на пути в Нью-Йорк, на пути к встрече с парой бизнесменов, которые проявляют интерес к сотрудничеству с нами.

– Без твоей поддержки я бы ничего не добился. Это шанс получить все, о чем мы мечтали.

Она снова целует меня.

Я никогда не думал, что смогу полюбить кого-то настолько сильно.

– Прежде чем ты уйдешь, думаю, ты должен знать, что мне позвонила учительница Чарли. У него снова неприятности в школе, хотя это неудивительно, учитывая, насколько он похож на отца.

Я усмехаюсь:

– И что же он натворил на этот раз?

– Миссис Харпер сказала, что он заявил девочке, которая смеется над его очками, что надеется, она подавится огромной жабой, потому что она сама выглядит как жаба. Подавится жабой, ты можешь себе представить?

– Чарли! – зову я в сторону гостиной.

Чарли выходит к нам, не отрываясь от книги. Он не надел очки, которые, я знаю, ассоциируются у него только с издевками одноклассников.

– Да, пап?

– Ты действительно сказал девочке, чтобы она подавилась огромной жабой?

– Ну да, – говорит он, словно это само собой разумеется. Для восьмилетнего он на удивление мало переживает, что родители устроят ему втык.

– Приятель, нельзя заявлять такие вещи.

– Но она выглядит как уродливая жаба, пап! – отвечает он.

Я вынужден резко отвернуться, чтобы не рассмеяться:

– Ладно, парень, подойди и обними меня.

И он крепко меня обнимает. Я ужасно боюсь того дня, когда ему перестанут нравиться объятия его старика.

– Веди себя хорошо с мамой и бабушкой, пока меня не будет, ладно?

– Ага, конечно.

– И верни очки на нос, пока читаешь.

– Зачем?! Они дурацкие!

Я наклоняюсь и стучу его по носу:

– Настоящие мужчины носят очки.

– Ты не носишь, – хнычет он.

– Ладно, бывают настоящие мужчины, которые обходятся без них. Просто надень их.

Он что-то ворчит, прежде чем удалиться и продолжить чтение. Меня страшно радует тот факт, что он больше читает, чем рубится в приставку. Любовь к книгам перешла к нему от матери-библиотекаря, но мне нравилось думать, что то, что я читал ему, когда он был еще в животе, тоже связано с его любовью к книгам.

– Какие у вас, ребята, планы на сегодня? – спрашиваю я.

– После обеда собирались на фермерский рынок. Твоя мать хочет присмотреть новые цветы и что-нибудь полезное для Чарли. О, кстати, Зевс пожевал твою пару «найков», так что собираюсь присмотреть что-нибудь новенькое и для тебя.

– Господи, напомни мне, кому в голову пришла идея завести собаку?

Она смеется:

– Это твоя вина. Я изначально была против, но ты не смог отказать Чарли. У тебя и у твоей матери куда больше общего, чем ты думаешь.

Она снова целует меня, прежде чем потянуть ручку чемодана вверх.

– Отличной поездки, и пусть наши мечты наконец-то сбудутся.

Я прижался губами к ее губам и улыбнулся:

– Когда я вернусь домой, я создам здесь библиотеку твоей мечты. С высоченной лестницей и всеми этими библиотечными штуками. Потом я займусь с тобой любовью где-то между «Одиссеем» и «Убить пересмешника».

Она прикусывает нижнюю губу.

– Обещаешь?

– Обещаю.

– Позвони мне, когда самолет приземлится, ладно?

Я киваю и выхожу из дома: отец уже ждет меня в такси.

– Эй, Тристан! – зовет Джейми, пока мы загружаем чемодан в багажник. Чарли стоит рядом с ней.

– Да?

Они складывают ладони рупорами и кричат:

– МЫ ЛЮБИМ ТЕБЯ!

Я смеюсь и кричу им в ответ те же слова.

В самолете отец без конца повторяет, что это прекрасная возможность для нас обоих. В Детройте, после нашего приземления, мы оба включаем мобильные телефоны, чтобы проверить почту и сообщить маме и Джейми, что мы в порядке.

Мы включаем мобильные, и у каждого из нас куча непрочитанных писем от мамы – и именно в этот момент я начинаю чувствовать неладное. Сообщения заставляют все внутри похолодеть. Я чуть не роняю телефон, когда читаю:

Мама: Произошел несчастный случай. Джейми и Чарли в тяжелом состоянии.

Мама: Возвращайтесь домой!

Мама: Быстрее!

И в это мгновение я понимаю, что моя жизнь переворачивается с ног на голову.

Глава 1

Элизабет

3 июля 2015 года.

Джеймсвилль, Висконсин

Каждое утро я читаю любовные письма, написанные для другой женщины. Да, у нас с ней много общего: карие глаза, светлые волосы. У нас с ней тихий смех, набирающий силу лишь в компании людей, которых мы любим. Она словно улыбается правым уголком рта и кривит левый – те же движения повторяют мои губы.

Я нашла эти письма в мусорном ведре, в жестяной коробке в форме сердца. Их сотни – длинные и короткие, наполненные счастьем и душераздирающей тоской. На них стояли даты, уходящие в далекое прошлое, – некоторые написаны намного раньше моего появления. На одних стояла подпись «К. Б.», а на других – «Х. Б.».

Интересно, что почувствовал бы отец, узнай он, что мама избавилась разом от всех писем.

С другой стороны, в последнее время мне с трудом верилось, что она – все еще тот человек, который писал это.

Цельный.

Наполненный.

Будто часть чего-то божественного.

Не так давно она стала абсолютной противоположностью всего этого.

Разбитая.

Пустая.

Одинокая.

Она стала шлюхой после смерти отца. Выбор был невелик. Это произошло не сразу, хотя сплетница мисс Джексон, живущая ниже по улице, рассказала каждому, у кого были уши, что мама раздвигала ноги, даже когда отец был жив. Уж я-то знала, что это не так, потому что еще с детских лет помню, как она смотрела на него. Такой взгляд предназначен только для одного-единственного человека на свете. Когда на рассвете он уходил на работу, завтрак и обед уже были упакованы вместе с легкой закуской для ланча. Отец часто жаловался, что успевает проголодаться между завтраком и обедом, и мама была уверена, что должна дать ему с собой как можно больше еды.

Отец был поэтом и преподавал в университете, что в часе езды от нашего дома. Неудивительно, что эти двое обменивались любовными письмами. Слова были тем, что отец добавлял в кофе утром и бросал в виски вечером. Мама не была так же сильна в поэтике, но все равно писала о своих чувствах в каждом письме.

Каждое утро, когда отец выходил из дома, мама улыбалась и напевала себе под нос, убираясь в доме и собирая меня в школу. Она постоянно говорила о нем – что скучает и до вечера напишет ему много любовных записок. Когда вечером он возвращался, мама неизменно наливала по бокалу вина, пока он напевал свою любимую песню, целовал ее

запястье, если оно оказывалось около его губ. Они целый вечер смеялись и хихикали, как дети, влюбившиеся впервые в жизни.

– Ты – моя безграничная любовь, Кевин Бейли, – говорила она, касаясь губами его губ.

– Ты – моя безграничная любовь, Ханна Бейли, – отвечал отец, обхватывая ее талию.

Они любили друг друга настолько сильно, что ни одна сказка не могла описать этого.

Когда отец умер – в разгар августовского дня годы назад, – часть мамы умерла вместе с ним. Тогда я вспомнила, что однажды читала роман, где автор сказал: «Ни одна половина на свете не покидает этот мир в одиночку, она всегда забирает с собой часть второй своей половины». Я возненавидела то, насколько он оказался прав. Мама месяцами не поднималась с постели. Я каждый день заставляла ее есть и пить, надеясь, что она не потухнет в своей печали. До того как она потеряла мужа, я никогда не видела ее слез и, находясь рядом, старалась не показывать своих – это могло расстроить ее.

Я всегда плакала, оставаясь одна.

Когда она наконец встала, через пару недель пошла в церковь вместе со мной. Мне было двенадцать, и все, что я чувствовала, – это полная растерянность, ведь мы никогда не молились, пока не происходили какие-нибудь ужасные вещи.

Наши походы в церковь не продлились слишком долго, потому что однажды мама громко назвала Господа лжецом и сказала, что презирает тех, кто посвящает подобного рода обману и пустым обещаниям земли обетованной свое свободное время.

Пастор Риз попросил нас какое-то время не приходить в церковь, позволить времени заглазить ее чувство утраты.

Мне и в голову не приходило, что людей могут изгнать из храма божьего, пока этого не случилось с нами. Пастор Риз говорил, что здесь рады всем и каждому, мне же казалось, что он кривил душой: церковь очень избирательна в том, что касается «каждого», и тем более в том, что касается «всех».

У мамы появилось новое увлечение: регулярная смена мужчин. С некоторыми она спала, других использовала, чтобы проще было оплачивать счета, а третьих держала подле себя, потому что ей было одиноко, а они чем-то напоминали ей отца. Некоторых она даже называла его именем.

Сегодня на парковке перед нашим маленьким домом появилась машина. Это был темно-синий автомобиль с блестящим металлическим каркасом. Салон ярко-красный, словно спелое яблоко, а за рулем мужчина с сигарой, зажатой в зубах. Мать сидела у него на коленях. Этот мужчина выглядел так, словно только что сошел с постера 1960-х. Мать тихо хихикала в ответ на то, что мужчина шептал ей на ухо, но это был совершенно не тот смех, который она всегда дарила отцу.

Он был неестественным, немного пустым и самую малость грустным.

Я смотрю и вижу миссис Джексон в окружении других сплетниц, которые то и дело указывают на маму и ее мужчину-этой-недели пальцами. Хотелось бы оказаться около них, чтобы сказать им, чтобы они заткнулись, но они были в добром квартале от нас. Даже дети, которые играли в мяч на улице, ударив по нему еще несколько раз, прекратили игру и уставились широко раскрытыми глазами на маму и этого мужчину.

Автомобили, которые сто`ят столько, сколько сто`ит его машина, никогда не проедут по улице, подобной нашей. Я столько раз пыталась убедить маму переехать в место получше, но она категорически отказывается. Думаю, в первую очередь потому, что они купили этот дом вместе с отцом.

Наверное, она до сих пор не может его отпустить.

Мужчина выдыхает облако дыма в лицо маме, и они вместе смеются. На ней ее лучшее платье, желтое, открывающее плечи, обтягивающее талию и расклешенное книзу. Она наносит так много косметики, что ее пятьдесят тут же превращаются в тридцать. Она красива и безо всей этой мази на лице, но считает, что немного румян превратят даже девочку в красивую женщину. Жемчуг на шее раньше принадлежал бабушке Бетти. Она никогда не надевала его на встречи к незнакомцам, сегодня это произошло впервые, и я задаюсь вопросом – почему?

Внезапно они оба смотрят в мою сторону, и я прячусь за столб крыльца, с которого наблюдала за ними.

– Лиз, если ты планируешь и дальше шпионить, то хотя бы прячься лучше. А теперь подойди и познакомься с моим другом, – кричит мама.

Я выхожу из-за столба и подхожу к ним. Мужчина выпускает еще один клуб дыма, запах бьет по ноздрям, пока я рассматриваю его седеющие волосы и темно-голубые глаза.

– Ричард, это моя дочь, Элизабет. Друзья называют ее Лиз.

Ричард внимательно осматривает меня с ног до головы, да так, что я и человеком себя не чувствую. Он изучает меня, как фарфоровую куклу, как будто хочет, чтобы я разлетелась на куски, а я изо всех сил стараюсь не показать своей неприязни, но она все равно просачивается, несмотря на то, что я опустила глаза.

– Как поживаешь, Лиз?

– Элизабет, – холодно исправляю я, не поднимая глаз, – только близкие могут называть меня Лиз.

– Лиз, ты не должна так говорить с ним, – строго говорит мама, нахмурившись. У нее бы истерика случилась, если бы она знала, насколько глубоки ее морщины, когда она так делает. Я всегда ненавидела знакомство с ее новыми мужчинами: вместо того чтобы вступить за меня, она всегда становится на их сторону.

– Все в порядке, Ханна. Тем более что она права. Нужно время, чтобы узнать кого-либо поближе и заслужить право называть человека сокращенным именем.

Было нечто гадкое в том, что он говорил. Какой-то намек во взгляде, который Ричард устремил на меня, затягиваясь сигаретой. На мне свободные джинсы и домашняя растянутая футболка, но под его взглядом я чувствую себя раздетой.

– Мы собирались перекусить где-нибудь в городе, если хочешь, можешь присоединиться, – предлагает он.

Я отрицательно качаю головой:

– Эмма еще спит. – Я бросаю взгляд на дом, где на раскладном диване, который мы делим на двоих после переезда к маме, спит Эмма.

Да, мама не единственная, кто потерял любовь всей ее жизни.

Надеюсь, я не стану такой же, как она.

Надеюсь, я просто застряла в плохом периоде.

С тех пор как Стива нет, прошел год, и мне все еще трудно дышать полной грудью. Наш с Эммой *настоящий* дом находится в Мидоус-Крик, Висконсин. Это недорогое место, где Стивен, Эмма и я построили дом. Мы окунались в любовь и самозабвенно ругались, но возвращались к любви снова и снова.

Это место стало сосредоточием тепла, пока мы жили там вместе, а когда Стив умер, стены дома наполнились холодом.

Когда мы в последний раз были вместе, его рука обхватывала мою талию, и как легко было думать, что это продлится вечно.

Вечность оказалась куда короче, чем мы могли себе представить.

Долгое время жизнь проходила привычным образом, но в один день все внезапно оборвалось.

Я чувствовала, что начинаю задыхаться в печали от воспоминаний о нем, поэтому ушла к маме.

Вернуться в этот дом означает признать, что его действительно больше нет. Больше года я жила, делая вид, что все в порядке, представляя, что он просто вышел купить молока и вот-вот войдет в дверь. Каждый вечер, ложась спать, я поворачивалась на левый бок, представляя, как он обнимает меня.

Теперь Эмме необходимо что-то большее. Нечто кроме раздвижного дивана, незнакомых мужчин и сплетен соседей, которые не должны достигать ушей пятилетней девочки. Она слишком сильно нуждается во мне, а я словно иду во тьме, и я явно не та мать, которой она заслуживает, так что, может быть, воспоминание о нашем доме помогут мне собрать себя по частям.

Я возвращаюсь в дом и с нежностью смотрю на своего спящего ангела. Ее грудь поднимается и опускается, спокойно и умиротворенно. Она похожа на меня – ямочками на щеках и светлыми волосами. У нас с ней тихий смех, набирающий силу лишь в компании людей, которых мы любим. Она словно улыбается правым уголком рта и кривит левый – те же движения повторяют мои губы.

Но есть одно большое различие.

У Эммы *его* голубые глаза.

И теперь я лежу рядом с ней, целуя кончик ее носа, протягиваю руку и достаю из-под дивана жестяную коробку в форме сердца. Читаю еще одно любовное письмо. Одно из тех, которые я уже читала, но они все равно разрывают мне душу.

Иногда я представляю, будто эти письма от Стива.

Я всегда плакала совсем немного.

Глава 2

Элизабет

– Мы что, возвращаемся домой? – спрашивает сонная Эмма, когда солнце проникает через окно комнаты, проливая свет на ее милое личико. Я поднимаю ее и усаживаю на ближайший стул рядом с Боббой – ее плюшевым медведем и самым близким другом. Бобба не просто плюшевый, он – мумифицированный медведь. Видите ли, моя маленькая девочка немного странная, и после того, как она увидела фильм «Отель “Трансильвания”», в котором полно зомби, вампиров и мумий, она решила, что, если ты страшный и немного странный – это идеально.

– Да, мы возвращаемся домой, – устало улыбаюсь я ей – целую ночь пришлось собирать вещи.

Эмма сонно улыбается в ответ, точь-в-точь как ее отец, и говорит Боббе, что мы действительно едем домой.

Дом.

Это слово обжигает где-то в самой глубине сердца, но я продолжаю улыбаться. Я научилась всегда улыбаться рядом с Эммой, потому что, когда у меня неважное настроение, она тут же начинает грустить. Хотя в таких случаях она и дарит мне отменные поцелуи по-эскимосски, я все же чувствовала ответственность за нее.

– Мы должны вернуться вовремя, чтобы успеть посмотреть фейерверк на крыше. Помнишь, как мы забирались туда, чтобы смотреть фейерверк с папой? Помнишь, малышка? – спрашиваю я.

Она жмурится, будто отправляясь на поиски воспоминаний глубоко в свое сознание. Если бы наши умы были архивными картотеками и мы могли запросто получить любимые воспоминания всякий раз, когда бы нам не захотелось!

– Не помню, – вздыхает она, обнимая Боббу.

Это разбивает мне сердце.

Я продолжаю улыбаться.

– Ну, тогда как насчет заскочить по пути в магазин и купить «Bomb-Pops»,^[1] чтобы пообедать им на крыше?

– И «Cheeto Puffs»^[2] для Боббы!

– Конечно!

Она улыбается и радостно пищит. В этот момент я улыбаюсь искренне.

Я люблю ее больше, чем она может себе представить. Если бы не она, я бы утонула в собственном горе. Эмма спасла меня.

Мама никогда не возвращается вовремя со своих вечерних свиданий с очередной Казановой, так что я не прощаюсь с ней. Когда мы переехали в первый же вечер, она не вернулась домой и я звонила ей целую ночь, беспокоясь, где она, но, появившись, мама раскричалась, заявляя, что она уже вполне взрослая женщина, чтобы самой решать, когда приходить.

Поэтому сейчас я просто оставляю ей записку.

Мы едем домой. Любим тебя. Скоро увидимся.

Э. и Э.

Несколько часов мы едем на моей старенькой машине, слушая треки из «Холодного сердца» по кругу бесконечно, и я начинаю рассматривать вариант сбривания своих ресниц бритвой одну за одной. Эмма слышала каждую песню миллион раз и переделала слова в каждой строчке на свои собственные. Честно говоря, ее версия нравится мне даже больше.

Когда она уснула, «Холодное сердце» уснуло вместе с ней, оставив меня в блаженной тишине.

Рука тянется в сторону пассажирского сиденья, ладонью вверх, ожидая касания другой руки, чтобы наши пальцы сомкнулись, но ничего не чувствует.

Я все делаю правильно, говорю я себе снова и снова. Я молодец.

Однажды все будет хорошо.

Однажды у меня получится.

Мы спускаемся на шоссе I-64, и у меня все внутри напрягается. Я хотела бы поехать другой дорогой, чтобы добраться до Мидоус-Крик, но это единственный путь. Он был забит машинами из-за праздника, но новый ровный асфальт, некогда разбитый, давал возможность ехать легко.

Слезы наполняют глаза, когда я вспоминаю, как просматривала новости в тот день.

Авария на шоссе I-64!

Хаос!

Беспорядки!

Травмы!

Жертвы!

Стивен.

Один вдох.

Я за рулем и не позволяю слезам вырваться наружу. Я заставляю свое тело отключить любые эмоции, потому что, если бы я не отключила, чувствовала бы все и точно умерла, а ведь я не могу умереть. Когда я смотрю в зеркало заднего вида, вижу там отражение моего ребенка, мой маленький кусочек силы. Мы пересекаем шоссе, и я делаю еще один вдох. Каждый день один и тот же вдох.

Я не могу больше об этом думать, иначе просто захлебнусь.

На белом полированном стенде знак с надписью: «Добро пожаловать в Мидоус-Крик!»

Эмма уже проснулась и смотрит в окно.

– Мам.

– Да, малышка?

– Ты думаешь, папа будет знать, что мы переехали? Он узнает, где оставлять перья?

Когда Стивен умер и мы переехали к маме, вокруг парадного входа были разбросаны перья белой птицы. Когда Эмма спросила о них, мама сказала:

– Это небольшие послания от ангелов. Они напоминают, что любят нас и наблюдают за нами.

Эмме очень понравилась идея, и всякий раз, когда она находила перо, она смотрела на небо, улыбалась и шептала:

– Я тоже тебя люблю, папочка!

Она даже сфотографировалась с пером, чтобы добавить фото в альбом с фотографиями на страничку «с папой».

– Я уверена, он знает, где нас искать, милая.

– Да, – согласилась она, – он нас точно найдет!

Деревья здесь зеленее, чем я помнила, а маленькие магазины в центре Мидоус-Крик уже украшены белым, синим и красным к торжеству. Американский флаг миссис Фредерик развевается на ветру, она выставляет патриотически окрашенные розы в цветочных горшках и расцветает от гордости, когда отступает назад, чтобы полюбоваться домом.

На одном светофоре мы застреваем почти на десять минут. За это время я успеваю взять себя в руки и отогнать мысли о Стивене. Как только светофор переключается, я нажимаю на педаль газа, желая только одного – игнорировать тени прошлого и поскорее попасть домой. Когда машина вылетает вниз по улице, краем глаза я замечаю, как к нам бросается собака. Я быстро нажимаю на тормоз – старая машина икает, вздрагивает и замолкает, остановившись. В эту же секунду я слышу громкий визг.

Сердце колотится в горле, мешая сделать вдох, пока я паркуюсь. Эмма спрашивает, что происходит, но у меня нет времени на объяснения. Оставив дверцу открытой, я бросаюсь к собаке, а с другой стороны улицы ко мне уже бежит мужчина. Он смотрит на меня широко открытыми глазами, и его неприкрытая ярость прошивает меня насквозь – из этих серо-голубых глаз. Обычно голубые глаза несут тепло и усиливают симпатию, располагая к человеку, но только не эти. Его взгляд яростно напряжен, как и вся поза. Ледяной и жесткий.

В глубине радужных оболочек незнакомца плещется бирюза, но взгляд окутывает черное серебро. Его глаза словно темное небо перед грозой.

Эти глаза так знакомы мне. Я его знаю? Я могу поклясться, что видела этот взгляд раньше. Он в ужасе и ярости смотрит на своего пса, который по-прежнему недвижимо лежит. Вокруг шеи незнакомца – огромные наушники, присоединенные к плееру в заднем кармане.

Он одет в спортивный костюм. Белая футболка с длинными рукавами обтягивает мускулистые руки, черные шорты демонстрируют стройные ноги, а на лбу блестит испарина. Скорее всего, он вышел на пробежку с собакой и не удержал ее на поводке. Но почему он босиком? Впрочем, это не имеет значения. Его собака в порядке?

Мне нужно быть внимательнее!

– Мне так жаль, я не увидела... – бормочу я, но мужчина резко прерывает мои слова, будто они оскорбляют его.

– Какого хрена?! Ты издеваешься?! – орет он, и голос заставляет меня вздрогнуть. Он поднимает собаку на руки, прижимая к себе бережно, как ребенка.

Вот так мы и стоим. Он резко оборачивается вокруг себя, словно ищет взглядом машину или прохожего.

– Позвольте мне отвезти вас к ветеринару, – говорю я, чувствуя, как внутри все дрожит при взгляде на собаку в его руках. Я знаю, что он разозлен, но когда человек в панике, сложно винить его за такое поведение. Он не отвечает, а я вижу сомнение в его глазах. Его лицо обрамлено неаккуратной густой, темной бородой, рот скрыт где-то в ней, и поэтому все, на что я полагаюсь в разговоре с ним, – его глаза.

– Пожалуйста! – умоляю я. – Отсюда долго пешком.

Он кивает один только раз.

Я запрыгиваю в машину и завожу мотор.

– Что произошло? – спрашивает Эмма.

– Мы просто повезем собачку к врачу, чтобы он сказал, что с ней все хорошо, – и мне хочется верить, что я не вру дочери.

До ближайшей круглосуточной ветеринарной клиники около 20 минут на автомобиле, но машина едет не так быстро, как хотелось бы.

– Поверни налево, на Коблер-стрит, – приказывает он.

– По Харпер-авеню будет быстрее, – спорю я.

Он раздраженно хмыкает:

– Если не знаешь точно, какого черта говоришь? Поезжай через Коблер-стрит!

Я выдыхаю:

– Я умею водить!

– Ты? А я вот думаю, что твое умение водить является причиной того, что мы сидим здесь.

Я была в пяти секундах от решения выкинуть его из кабины, но скуление собаки стало единственной причиной, по которой я этого не делаю.

– Я вроде как извинилась.

– И чем это поможет моей собаке?

Мудак.

– Коблер-стрит – это следующий поворот направо, – говорит он.

– Харпер-авеню – через один поворот направо.

– Ты не поедешь по Харпер.

О! Да я теперь поеду только по Харпер лишь для того, чтобы этот парень обделался от злости. Кого он из себя возомнил?

Я повернула на Харпер.

– Просто, блин, поверить не могу, – стонет он.

Его раздражение вызывает во мне слабую торжествующую улыбку, но ровно до того момента, как я вижу зону строительства и запрещающие знаки.

– Ты всегда такая упертая?

– А ты... всегда... ты... – я заикаюсь, потому что в отличие от некоторых не привыкла спорить с людьми. Тут же стопорюсь, как ребенок, у которого мысли не успевают вовремя сформироваться в голове. Я и правда неуклюжа в спорах, умная мысль всегда приходит спустя три дня после ссоры.

– Ты всегда... всегда...

– Всегда что? Ну, выкладывай, используй свой речевой аппарат, – издевается он.

Я поворачиваю руль, направляясь к Коблер-стрит.

– Ты всегда...

– Ну же, Шерлок, вы можете сделать это, – мрачно потешается он.

– Мудак! – рывкаю я, когда машина выезжает на нужную улицу.

В салоне повисает тишина. Мои щеки пылают, а пальцы плотно обхватывают руль.

Когда мы подъезжаем, он открывает дверь и без лишних слов идет в клинику с собакой на руках. Как я поняла, это именно тот момент, когда мы должны расстаться, но я прекрасно понимаю, что не успокоюсь, пока не узнаю, что с собакой все в порядке.

– Мама? – зовет Эмма.

– Да, малыш?

– Кто такой мудак?

О боже, это была ошибка номер 582, допущенная в воспитании ребенка на сегодняшний день.

– Ну что ты, детка. Я сказала клещ.^[3] Клещ – это насекомое.

– Так ты назвала этого человека насекомым?

– Да. Противное насекомое.

– А его собачка умрет? – спрашивает она снова.

Я искренне надеюсь, что нет.

После разговора с Эммой мы направляемся в больницу. Мужчина стоит, упершись руками в стол регистратора. Он что-то говорит, это видно по губам, но мы не слышим ни слова. Администратору, видимо, становится все более неудобно.

– Сэр, я просто прошу вас заполнить все формы и предоставить нам действующую кредитную карточку, иначе мы не сможем продолжить осмотр вашего питомца. Кроме того, вы не можете так просто входить сюда без обуви. Это неприемлемо.

Мужчина бьет кулаками об стол еще раз, затем принимается шагать взад-вперед, его руки ерошат длинные черные волосы на затылке. Дыхание тяжелое и неровное, он еле сдерживает вздохи вздымающейся грудью.

– Я что, похож, блин, на человека, который вышел из дома со своей кредиткой? Я был на пробежке, идиотка! Если вы не в состоянии сделать что-то, позовите кого-нибудь, с кем я могу поговорить!

Женщина вздрагивает от его слов, как и я недавно.

– Он со мной, – говорю я, подойдя к регистратору.

Эмма цепляется за мою руку и прижимает к себе Боббу. Заглянув в сумочку, я вытаскиваю бумажник и протягиваю женщине свою карточку.

– Вы с *ним*? – спрашивает она оскорбленно, будто бы незнакомец заслуживает одиночества. Никто не заслуживает одиночества. Я смотрю на него и вижу недоумение в глазах, смешанное с гневом. Я хочу отвести взгляд, но боль, которая затаилась в его глазах, показалась слишком близкой, чтобы оторвать взгляд.

– Да, – киваю я. – Я с ним.

Она запинается, я выпрямляю спину.

– Это проблема?

– Нет-нет. Мне просто нужно, чтобы вы заполнили эту форму.

Я беру карточку из ее рук и иду к гостевой зоне.

Телевизор на стене показывает «Animal Planet», и места в самом удобном углу тут же занимают Эмма и Бобба. Незнакомец сверлит меня взглядом. Жестким и нечитаемым.

– Мне нужна кое-какая информация, – говорю я. Он медленно подходит, присаживается рядом и упирается руками в колени.

– Как его зовут? Вашего пса?

Он недолго молчит, прежде чем ответить:

– Зевс.

Я улыбаюсь. Идеальное имя для большого золотистого ретривера.

– Ваша фамилия?

– Тристан Коул.

После заполнения я передаю документы обратно в регистратуру.

– Все расходы по Зевсу снимайте с моей карточки.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

– Теперь дело пойдет быстрее.

– Чем быстрее, тем лучше.

Я сажусь рядом с Тристаном. Он похлопывает ладонями по шортам, и я вижу, как он нервничает. Когда я смотрю на него, в его глазах та же растерянность, которую я заметила, когда увидела его впервые. Он что-то бормочет, потирает пальцы, потом надевает наушники и включает плеер.

Время от времени ко мне подходит Эмма и спрашивает, когда же мы уже поедим, но я прошу ее немного подождать. Она внимательно смотрит на Тристана. Изучает его.

– Эй, мистер!

Он игнорирует ее. Она упирает руки в бока.

– Эй, мистер! – зовет она снова, повысив голос. Год жизни бок о бок с моей драгоценной мамочкой сделал из нее мини-нахального монстра.

– Эй, мистер! Я с вами разговариваю! – говорит она, топнув ногой. Незнакомец смотрит на нее сверху вниз. – Ты, большой, дурацкий, гигантский клещ!

О боже!

Мне нельзя доверять воспитание ребенка. Я в этом абсолютно плоха. Я уже собираюсь отвести дочь в сторону, чтобы отругать, но вдруг замечаю слабую улыбку, появившуюся в бороде Тристана.

Она почти незаметна, но я могу поклясться, что увидела, как его нижняя губа дергалась. Эмма умела заставить улыбаться даже самые мрачные души, и я была живым доказательством этого.

Проходит еще минут тридцать, прежде чем появляется ветеринар, чтобы сообщить, что с Зевсом все в порядке, просто несколько ушибов и перелом передней лапы. Я благодарю его, и, когда он отходит, Тристан расслабляется. Его тело будто замирает на миг. А затем каждый дюйм сотрясает дрожь. Один глубокий вздох – и исчез злой мудака, превратившись в человека в отчаянье.

Он полностью погрузился в себя, когда вдруг выдохнул и начал бесконтрольно рыдать. Он скулил, глотая скупые и горькие слезы. Мои глаза запекло, и я ругала свое сердце, которое рвалось на части, как и его.

– Эй, Клещ! Э-эй, Клещ! Ну не плачь, – говорила Эмма, дергая Тристана за футболку. – Все в порядке.

– Все в порядке, – сказала я, подтверждая слова моей сладкой девочки.

Я положила руку ему на плечо, пытаюсь утешить.

– С Зевсом все хорошо. Он молодец. И ты тоже молодец.

Он наклонился ко мне и кивнул, будто действительно поверил.

Он несколько раз глубоко вздохнул и закрыл руками глаза, качая головой, всячески пытаюсь скрыть смущение и стыд. Кашлянув, отошел от меня. Мы дождались, пока ветеринар вынесет Зевса, и Тристан тут же обнял пса. Тот, судя по всему, устал, но все-таки нашел в себе силы вилять хвостом и дарить свои собачьи поцелуи хозяину. Тристан улыбался – было невозможно оторвать от них взгляд. Это была широкая улыбка облегчения. Если бы любовь исчислялась в моментах – в этом моменте она существовала бы точно.

Я не мешала им. Эмма взяла меня за руку, и мы держались в нескольких шагах позади Тристана, когда вышли из больницы.

Тристан отправился пешком с Зевсом на руках, он даже не попросил подвезти. Я хотела

остановить его, но не нашла стоящей причины, чтобы просить вернуться. Усадила Эмму на ее сиденье и, когда закрыла дверцу, чуть не подпрыгнула от удивления. В нескольких дюймах от меня стоял Тристан. Наши глаза встретились. Лицом к лицу. Мое дыхание стало сбиваться, я изо всех сил старалась вспомнить, когда в последний раз стояла так близко к мужчине.

Он сделал шаг вперед.

Я оставалась на месте.

Он вздохнул.

Я тоже. Раз, второй.

Один вдох.

Это все, что я могла делать.

От нашей близости желудок завязался узлом, и я уже готова была ответить ему на слова благодарности, ведь я была уверена, что он сейчас их произнесет.

– Научись нормально водить, – прошипел он мне, прежде чем уйти.

Не «благодарю вас за оплату счета», не «спасибо за то, что привезли нас», а вот так – «Научись нормально водить»!

Ладно.

Поежившись от прохладного ветерка, охладившего мою кожу, я прошептала ему вслеп:

– Не стоит благодарности, Клещ.

Глава 3

Элизабет

– Ну и долго же вы, – улыбнулась Кэти, выходя из парадных дверей дома. Я не знала, что они с Линкольном встретят нас, хотя предположить можно было, ведь они слишком долго нас не видели и жили в пяти минутах от отеля.

– Бабуля! – крикнула Эмма, пока я отстегивала ее от детского автомобильного сиденья.

Она выскочила из машины и помчалась навстречу бабушке, счастливая, как никогда. Кэти поймала ее на руки и подняла, крепко обняв.

– Мы вернулись домой, бабуля!

– Я знаю. И мы так рады слышать это, – сказала Кэти, без конца целуя ее щечки.

– А где Поппи? – спросила она о Линкольне, своем деде.

– Меня ищешь? – засмеялся Линкольн, выходя из дома. Он выглядел куда моложе, чем указано в паспорте, – ему не дашь 65. Кэти и Линкольн, вероятно, никогда не постареют – у них самые молодые в мире сердца и они гораздо более активны, чем большинство людей моего возраста.

Как-то я вышла на пробежку с Кэти и сдулась уже после 30 минут, хотя она сказала, что это всего лишь четверть запланированного маршрута.

Линкольн выхватил Эмму из рук жены и подбросил ее высоко вверх.

– Ну-ка, ну-ка, ну-ка, а кто это у нас тут?

– Это я, Поппи! Эмма! – засмеялась она.

– Эмма? Не может быть! Ты выглядишь слишком взрослой для моей маленькой Эммы.

Она кивнула головой.

– Это я, Поппи!

– Ну если это так, докажи. Моя маленькая Эмма всегда дарила мне специальные и необычные поцелуи. Ты знаешь, как она это делала?

Эмма наклонилась и потерлась кончиком носа о каждую щеку Линкольна, прежде чем подарить ему поцелуй по-эскимосски.

– Боже мой, это и правда ты! Ну чего же ты ждешь? У меня есть красное, белое и синее фруктовое мороженое, на коробках с ним уже написано твое имя. Давай зайдём внутрь!

Линкольн повернулся и подмигнул мне:

– Добро пожаловать домой.

Они поспешили к дому, а я быстро огляделась.

Трава была высокая, с бурьяном и одуванчиками, «исполнителями желаний», как любила их называть Эмма. Забор, который мы начали устанавливать, был наполовину закончен. Стивен так и не успел завершить строительство. Мы хотели, чтобы забор сдерживал непоседливую Эмму во дворе, чтобы она не бегала по улице или в огромном лесу. Лишние белые доски сложены и ждут, чтобы кто-то завершил начатое. Я покосилась на задний двор. Дальше недостроенного забора деревья, которые переходили в многокилометровый лес. Какая-то часть меня хотела убежать и заблудиться в этом лесу, оставшись там на весь день.

Кэти подошла и крепко обняла меня. Я повернулась, обнимая ее в ответ.

– Как ты? Держишься? – спросила она.

– Держусь.

– Ради Эммы?

– Ради Эммы.

Кэти прижала меня к себе крепче и отстранилась.

– Во дворе, конечно, бардак. Никто не был здесь с тех пор, как... – слова погасли вместе с улыбкой. – Линкольн сказал, что постарается справиться со всем этим.

– О нет, не надо. Я позабочусь обо всем.

– Лиз...

– Правда. Я хочу. Хочу все восстановить сама.

– Ну, если ты уверена. По крайней мере это не самый запущенный двор в квартале, – сказала она, кивнув на соседский дом.

– Там кто-то живет? – спросила я. – Не думала, что поместье мистера Рэйка кто-то купит. Знаешь, все эти глупые слухи о доме с привидениями...

– Ага. Кто-то купил. Я, конечно, не сплетница, но парень, который там живет, немного странный. Ходят слухи, что он был в бегах из-за того, что совершил в прошлом.

– Что? Ты имеешь в виду, он преступник?

Кэти пожала плечами.

– Мэрибет сказала, что ходят слухи, что вроде бы он зарезал человека. Гарри говорит, что он убил свою кошку за то, что она громко мяукала.

– О нет! Я что, живу рядом с психопатом?

– Я уверена, все будет в порядке. Ты же знаешь, чего стоит болтовня в этом городке. Не думаю, что слухам нужно верить. Правда, он работает в магазине у чудака Хэнсона, а я знаю, что у этого парня точно не все в порядке с головой. Просто запирай на ночь дверь.

Мистер Хэнсон содержит магазин «Нужные вещи» в центре Мидоус-Крик, он один из самых странных людей, которых я когда-либо встречала. Правда, я знала о его странностях, лишь основываясь на болтовне соседей.

Образ жизни в маленьком городке вынуждает людей развлекаться сплетнями. Горожане постоянно находятся в хаотичном движении и пытаются увидеть сразу все вокруг.

Я посмотрела на улицу и заметила трех человек, которые сплетничали, держа в руках почту. Две женщины шли мимо моего дома, и я услышала, как они говорят о моем возвращении в город, – а ведь они никогда не здоровались, – но они говорили обо мне. За углом отец учил свою дочь кататься на велосипеде – девочка впервые ехала без страховочных колес. Жизнь в маленьком городке так стереотипна. Все знали дела каждого, и слухи распространялись с быстротой молнии.

– Как бы там ни было... – вернула меня к реальности Кэти. – Мы привезли немного барбекю и вкусенького на ужин. И забили ваш холодильник продуктами, так что вам не придется беспокоиться о покупках пару недель. К тому же мы уже положили на крыше одеяла для фейерверка, который должен быть прямо... – Внезапно небо начало разрываться яркими разноцветными звездами – красными, белыми и синими, – сейчас!

Я посмотрела на крышу и увидела Линкольна, удобно устроившегося с Эммой на руках. Они вопили «О-о-о! А-а-а!» каждый раз, когда в небе вспыхивали новые огни.

– Давай, мама, сюда! – закричала Эмма, не отрывая глаз от распускающегося в небе калейдоскопа цветов.

Кэти обняла меня за талию, и мы пошли к дому.

– Когда Эмма пойдет спать, откроем вино. У меня есть несколько бутылок для тебя.

– Для меня? – переспросила я.

Она улыбнулась:

– Для тебя. С возвращением домой, Лиз.

Домой.

Я все думала, когда же исчезнет боль.

Линкольн захотел сам уложить Эмму спать, а когда прошло достаточно времени, я отправилась к ним. Обычно нелегко было уложить Эмму, и я не сомневалась, что бабушке она устроила те же трудности.

Подходя на цыпочках к двери, я не слышала криков. Заглянув в комнату, я увидела разложенную кровать, где они оба мирно спали – ноги Линкольна свешивались с края. Кэти хихикнула, стоя позади меня.

– Я даже не знаю, кто больше взволнован встречей – Линкольн или Эмма.

Мы вернулись в гостиную и сидели перед двумя самыми огромными бутылками вина, которые мне только доводилось видеть.

– Ты пытаешься меня споить? – засмеялась я.

Она ухмыльнулась.

– Если это даст тебе возможность почувствовать себя лучше, то, может, и стоит попытаться.

Кэти и я всегда были очень близки. После детства с моей мамой я получила вместе со Стивеном Кэти – как бонус, как поток свежего воздуха. Она всегда приветствовала меня с распростертыми объятиями и никогда не отпускала. Когда она узнала, что я беременна Эммой, она плакала даже больше, чем я.

– Я чувствую себя ужасно оттого, что разлучила их надолго, – сказала я, потягивая вино из бокала и глядя на коридор, ведущий в комнату Эммы.

– Дорогая, твоя жизнь перевернулась с ног на голову. Когда случаются трагедии, то в них вовлекаются и дети. Ты не думала, ты просто действовала. Делала, что считала правильным для того, чтобы выжить. И ты не можешь винить себя за это.

– Да. Но я чувствовала, что сбежала ради себя. Не ради Эммы. Все это было выше моих сил. Но Эмме, наверное, лучше было бы остаться здесь. Она скучала по нему. – Мои глаза наполнились слезами. – И я давно не навещала вас с Линкольном. Я должна была звонить чаще. Мне так стыдно, Кэти.

Она повернулась ко мне, опершись руками о колени.

– А теперь послушай меня, моя дорогая. Сейчас 22.42 по местному времени. И прямо сейчас, в 22.42 по местному времени, ты перестанешь винить себя. Сейчас – тот момент, когда ты наконец простишь себя. Линкольн и я все поняли. Мы знали, что тебе нужна свобода. Не нужно себя чувствовать виноватой перед нами, потому что ты ни в чем не виновата.

Я вытерла слезу, которая скатилась по щеке.

– Глупые слезы, – рассмеялась я. – Стыдно.

– Ты знаешь, что может остановить слезы? – спросила она.

– Что же?

Она налила мне еще один большой бокал вина. *Умная женщина.*

Мы общались с ней в течение нескольких часов и чем больше пили, тем больше смеялись. Я и забыла, какая теплота разливается от смеха. Она спросила о моей маме, и я не

смогла удержаться, чтобы не поморщиться.

– Она потеряла себя, бегая по кругу. Делая одни и те же ошибки с одними и теми же мужчинами. Знаешь, есть люди, которые никак не могут найти себя. Я думаю, она уже не свернет с этого пути.

– Ты любишь ее?

– Всегда. Даже когда она мне не нравится.

– Тогда не отказывайся от нее. Даже если вам нужно свое пространство. Люби ее и все же верь в ее возвращение.

– Как ты стала такой мудрой? – спросила я.

Она улыбнулась, обнажив зубы, и налила себе еще бокал. *Очень умная женщина.*

– Сможешь присмотреть за Эммой завтра? Я собираюсь пойти в город и поискать работу, может, Мэтти нуждается в дополнительной паре рук в кафе.

– Давай мы заберем ее на выходные? Это будет удобно: иметь в распоряжении несколько дней только на себя. Мы даже сможем забрать ее к нам до пятницы, во всяком случае не думаю, что Линкольн планирует отдать ее тебе в ближайшее время.

– Ты сделаешь это для меня?

– Мы все для тебя сделаем. К тому же каждый раз, когда я бываю в кафе, Фэй говорит: «Ну как моя лучшая подружка? Еще не вернулась?» Поэтому полагаю, она захочет увидеться и поболтать с тобой с глазу на глаз.

Я не видела Фэй с того дня, как погиб Стивен. Хотя тогда мы общались практически ежедневно, она понимала, что мне нужно время. Я надеялась, что сейчас она поймет: теперь я нуждаюсь в лучшей подруге, чтобы начать все заново.

– Я понимаю, сейчас не самый удачный момент, но ты не задумывалась о восстановлении вашего бизнеса? – спросила Кэти.

Стивен и я открыли свой «Внутренний и Внешний Дизайн» три года назад. Он обрабатывал дома снаружи, пока я работала над дизайном интерьеров для частных лиц и предприятий. У нас был офис и магазин в центре Мидоус-Крик. Это был один из лучших периодов в моей жизни, но правда в том, что профессионализм Стивена приносил основную массу денег, и не стоит забывать о его деловом подходе. Не было никакой возможности управлять таким бизнесом в одиночку.

С опытом работы в области внутреннего дизайна я могла бы устроиться в магазине, продающем подержанные откидные кресла для инвалидов, или вернулась бы к предыдущей профессии и работала в общепите.

– Я не знаю, наверное, нет. Без Стивена это просто невозможно. Я должна найти постоянную работу и постараться отпустить свои мечты.

– Я понимаю. Не бойся снова мечтать. Тебе было действительно хорошо, когда вы работали, Лиз. И это делало тебя счастливой. Мы всегда должны держаться за вещи, которые делают нас таковыми.

После того как Кэти и Линкольн отправились домой, я принялась за замок на парадной двери, который многие месяцы назад мы со Стивеном хотели сменить. Зевая, я направилась в нашу спальню и застыла в дверях. Кровать была аккуратно застлана, и я не могла найти в себе силы войти в комнату. Казалось почти предательством дойти до кровати и уснуть без него...

Один вдох.

Один шаг.

Я вошла, остановилась у шкафа и широко распахнула дверцы. Одежда Стивена висела на вешалках, я коснулась ее, а затем стала срывать ее с вешалок, бросать на пол, дрожа всем телом. Слезы жгли глаза. Я выдергивала ящики и вытаскивала все – джинсы, футболки, тренировочные костюмы, боксеры. Каждый предмет гардероба Стивена летел на пол.

Я лежала на куче одежды и не могла надыхаться его ароматом, который, как мне казалось, еще присутствовал в его вещах. Я шептала его имя, будто он мог слышать меня, я думала, как он обнимает меня. Целует, держа в объятиях. Мое измученное сердце плакало горькими слезами, оставляя следы на рукаве любимой футболки Стивена. Я уходила все больше и больше в свое горе. Мои крики были дикими и громкими, как крики существа, испытывающего невыносимую боль. Очень больно. Все не так. Время шло, а меня все более и более выматывали собственные эмоции. Наконец мной овладело странное спокойствие и я провалилась в глубокий сон.

Когда я открыла глаза, было еще темно. Красивая маленькая девочка со своим Боббой лежала рядом со мной. Почти раскрытая. На ней была лишь крохотная часть одеяла. А остальным была закутана я. Каждый раз в такие моменты я напоминала себе свою мать. Я помню, как заботилась о ней, хотя была еще совсем ребенком. Это было несправедливо по отношению к Эмме. *Она нуждается во мне.* Я прижалась к ней ближе, поцеловала в лоб и пообещала сама себе никогда больше не расклеиваться.

Глава 4

Элизабет

На следующее утро Кэти и Линкольн появились рано, чтобы забрать Эмму на выходные. Я собиралась было выходить, когда услышала стук у входной двери. Открыв, я уставилась на трех женщин, которые жили по соседству и по которым я совершенно не скучала. Нацепив на лицо фальшивую улыбку, я сказала:

– Мэрибет, Сьюзен, Эрика, привет.

Я могла догадаться, что визит неминуем, прежде чем три самые болтливые барышни города возникнут на моем крыльце.

– Ох, Лиз, – выдохнула Мэрибет, заключая меня в объятия. – Как у тебя дела, дорогая? Мы слышали, что вы возвратились в город, но ты же знаешь нас. Мы ненавидим сплетни, поэтому решили убедиться воочию.

– Я сделала тебе мясной рулет! – воскликнула Эрика. – После смерти Стивена ты исчезла так быстро, что я не смогла угостить вас, а сейчас я наконец сделала этот мясной рулет, чтобы помянуть его.

– Спасибо, дамы. На самом деле я как раз собиралась...

– Как там Эмма, справляется? – прервала меня Сьюзен. – Моя Рэйчел спрашивала о ней, смогут ли они снова играть, я и задалась большим вопросом. – Она сделала паузу и наклонилась ко мне. – Просто, чтобы знать – Эмма не страдает от депрессии? Я слышала, это может быть заразным для других детей.

Я ненавижу тебя. Я ненавижу тебя. Я ненавижу тебя.

Я улыбнулась.

– О нет. С Эммой все хорошо. У нас все отлично. Все хорошо.

– Так ты вернешься в наши встречи книжного клуба? Каждую среду у Мэрибет. Дети поиграют во дворе, пока мы пообщаемся о романе. На этой неделе мы читаем «Гордость и предубеждение».

– Я... – *если честно, я не хотела идти*, но их глаза сверлили меня, и я понимала, что отказ обернется бо́льшими неприятностями, чем посещение мероприятия. К тому же было бы неплохо, чтобы Эмма поиграла с девочками своего возраста. – Я приду!

– Прекрасно! – Мэрибет оглядела двор. – У двора твоего, конечно, тот еще видок!

Она сказала это с усмешкой, имея в виду нашу высокую траву.

Ты позоришь всех нас.

– Я поработаю над этим, – пообещала я. Приняла мясной рулет у Эрики и уже собралась зайти в дом и закрыть дверь, стараясь изо всех сил показать им, что они мешают мне уйти по делам.

– Ну спасибо, что заглянули, дамы. А теперь мне нужно в город.

– Да? Что тебе нужно в городе? – тут же взвилась Мэрибет.

– Я хотела зайти к Мэтти – возможно, ему нужна лишняя пара рук.

– А разве они не наняли уже кого-то? Я сомневаюсь, что у них будет место для тебя, – сказала Эрика.

– Ох. Значит, слухи о том, что ты не будешь восстанавливать вашу компанию, снова правда? Знаешь, такое чувство, что ты не сделаешь это без Стивена – заявила Мэрибет.

Сьюзен кивнула в знак согласия. – Он был деловой человек. И я знаю, что ты была всего лишь дизайнером интерьеров. Это, наверное, так грустно – уходить от чего-то большого... чтобы стать официанткой. Я думаю, я не смогла бы так. Такой шаг назад!

Пошла ты, пошла ты, пошла ты...

Я улыбнулась.

– Ну, посмотрим. Рада была повидаться. Уверена, мы скоро снова встретимся.

Проходя мимо них, я не смогла не закатить глаза, когда услышала вслед шепот о том, сколько фунтов я набрала и какие у меня мешки под глазами.

Я направилась в кафе «Пикантно и сладко», изо всех сил стараясь успокоиться.

Что я буду делать, если им и правда не нужна помощь? Что делать, чтобы заработать? Родители Стивена уверили, что мне нечего беспокоиться о подобных вещах и, если я ничего не найду, они всегда нас выручат. Но мне нужен способ найти себя.

Распахнув дверь в кафе, я улыбнулась, услышав громкий крик из-за прилавка.

– О, пожалуйста! Скажите мне, что я не сплю и моя лучшая подруга вернулась! – закричала Фэй, выскочив из-за прилавка и схватив меня в свои медвежьи объятия.

Она не давала мне возможности даже повернуться к Мэтти, хозяину кафе.

– Мэтти, скажи мне, что ты это тоже видишь и это не галлюцинации от сумасшедшего количества лекарств, которые я приняла перед выходом на работу.

– Она настоящая, сумасшедшая! – ухмыльнулся он.

Мэтти был немолодым человеком, и такие громкие и эмоциональные личности, как Фэй, заставляли его лишь закатывать глаза и ухмыляться.

Наконец его карие глаза встретились с моим взглядом и он кивнул:

– Рад видеть тебя, Лиз!

Фэй прижалась лбом к моей груди, как будто это была ее подушка:

– Теперь, когда ты здесь, больше никогда-никогда не исчезай.

Фэй была красива особенной, уникальной красотой. Волосы серебристого цвета, необычного для двадцатисемилетней, с прядями розовых и пурпурных оттенков. Ногти всегда ярко покрашены, а платье выгодно облегалo все ее изгибы. Она была уверена, что неотразима, это превращало ее в настоящую красавицу, но она прекрасно знала, как выглядеть еще лучше. Ее чувство собственного достоинства шло откуда-то из глубины души, и она абсолютно не нуждалась в чьем-то одобрении.

Я всегда завидовала этому качеству.

– Ну, на самом деле, ребята, я пришла насчет найма на работу. Я знаю, ты работаешь тут еще с колледжа, но, может быть, и я смогла бы чем-то помочь?

– Конечно у нас есть место! Эй, Сэм! – крикнула Фэй рабочему, которого я не знала. – Ты уволен!

– Фэй! – закричала я.

– Что?

– Нельзя просто так увольнять людей, – отчитала я подругу, увидев страх в глазах Сэма.

Бедный парень. – Серьезно, так не делают, – сказала я.

– Ой, да ну тебя.

– Заткнись, Фэй. Ты не можешь. Как ты можешь уволить человека просто так?

Она встала на цыпочки и постучала пальцем по бейджику, который гласил – «менеджер».

– Кто-то здесь должен был стать управляющим, женщина.

Я в шоке обернулась к Мэтти:

– Ты сделал Фэй менеджером?

– Я думаю, она меня околдовала, – рассмеялся он. – Если нужна работа, у нас всегда есть место для тебя. Может, неполная занятость?

– Для начала было бы здорово хоть что-то! – благодарно улыбнулась я Мэтти.

– Ну, или мы могли бы уволить Сэма, – снова включилась Фэй. – У него же есть еще подработка. К тому же он страшненький.

– Я все слышу, – смущенно отозвался Сэм.

– Неважно, слышишь ли ты меня, ты уволен.

– Мы этого не сделаем, Сэм, – сказал Мэтти.

– Какой же ты скучный. Знаете ли вы, что такое удовольствие?! – Она сняла передник и крикнула: – Обед! Перерыв!

– Сейчас 9.30 утра, – возмутился Мэтти.

– Перерыв на завтрак, – тут же исправилась Фэй, потянув меня за руку. – Мы вернемся через час.

– Перерыв у нас длится тридцать минут.

– Я уверена, что Сэм прикроет меня. Сэм, ты не уволен.

– Тебя не уволили, Сэм, – Мэтти улыбнулся. – Один час, Фэй. Лиз, постарайся, чтобы она пришла вовремя, иначе уволенным сотрудником станет она.

– Ах, так? – спросила Фэй, уперев ладони в бедра... почти... флиртуя?

Мэтти улыбнулся, скользя взглядом по ее телу... почти... сексуально?

Что за?...

Мы вышли из здания, я дернула Фэй за руку, потому что мысли о странных взаимоотношениях между ней и Мэттом не давали мне покоя.

– Что это было? – потребовала я.

– Что?

– *Вот это!* – сказала я, указывая в сторону Мэтти. – Что за маленькое эмоциональное танго вы только что исполнили? Она не ответила, но закусилась нижней губой. – О, мой Бог... *ты спала с Мэтти?!*

– Заткнись, черт тебя подери! Ты хочешь, чтобы об этом узнал весь город? – Она покраснела, оглядываясь по сторонам. – Это вышло случайно...

– Ой, правда? Как же так? Случайно? Ты случайно шла по улице, и тут к тебе подошел Мэтти и его дружок случайно выскочил из штанов? Затем внезапно налетел сильнейший ветер, подтолкнул тебя в плечи и ты случайно запрыгнула на его член? *И это все случайно?* – издевалась я.

– Ну... не совсем так, – она толкнула щеку языком. – Ветер вначале подтолкнул мой рот к его члену.

– БОЖЕ МОЙ, ФЭЙ!

– Я знаю! Я знаю! Вот почему люди не выходят на улицу в ветреные дни. Члены начинают неистовствовать именно в ветреные дни.

– Я не верю, он же вдвое старше тебя.

– Ну, что я могу сказать? У меня были проблемы с отцом.

– О чем ты говоришь? Твой отец потрясающий, – поспорила я.

– Точно. Ни один парень не смог соответствовать ему. Но Мэтти... думаю, он мне нравится.

Заявление повергло меня в шок – Фэй никогда не использовала слово «нравится» по отношению к парням. Она была самой большой шлюшкой, которую я когда-либо встречала.

– Ты хочешь сказать, что он тебе нравится? – спросила я с надеждой, что моя подруга планирует наконец остепениться.

– Эй, эй, тише там, Николас Спаркс.^[4] Я имею в виду мне нравится его член. Я даже дала ему прозвище. Ты это хотела услышать?

– Ради всего святого, не рассказывай мне.

– Нет, я все же тебе расскажу.

– Фэй, – вздохнула я.

– «Толстячок Мэтти», – заговорщически сказала она, широко улыбнувшись.

– Знаешь что, не нужно рассказывать мне ничего. Никогда не говори больше об этом ни слова.

– О чем? О жареной сардельке комбинированного вида и о том, как жарится в постели Мэтти? Да он же чертов колбасный бог, клянусь! Помнишь крошечного Пинки Питера? С Мэтти совсем иначе! Огро-омная разница, «земля обетованная жирных колбасок».

– Отлично, сейчас меня стошнит. Так что, если тебе не тяжело, пожалуйста, перестать говорить эти гадости.

Она засмеялась и притянула меня ближе к себе.

– Боже, я так скучала по тебе. Так что скажешь? Пойдем на наше обычное место?

– Конечно.

Мы прошагали несколько кварталов, и всю дорогу Фэй ежеминутно заставляла меня смеяться. И я спрашивала себя – почему я так долго сдерживалась? Может быть, потому, что какая-то часть меня чувствовала вину и не позволяла радоваться. Я застряла в своей беде и считала, что не имею права веселиться и не могу чувствовать себя хорошо. Но сейчас я смеялась и ощущала, что это именно то, что нужно. Слишком много времени ушло на рыдания, а я так устала от слез.

– Так странно быть здесь без Эммы, – сказала Фэй, сидя на качелях на детской площадке. Мы были в окружении детей, которые гуляли с родителями и нянями. Они бегали вокруг, а мы раскачивались вверх-вниз.

Один малыш смотрел на нас так, как будто мы сошли с ума, – еще бы, взрослые, а проводим время, словно дети. Фэй крикнула ему:

– Никогда не взрослей, малыш! Это чертова ловушка!

Она такая забавная.

– Итак. Как долго продолжается все это у вас с Мэтти? – спросила я.

Она покраснела.

– Я не знаю, месяц. Или два.

– Два месяца?

– Ну, может быть, семь. Или восемь.

– Восемь?! Что? Мы с тобой говорили по телефону каждый день. Почему не поднималась эта тема?

– Я не знаю. – Она пожала плечами. – Ты была в таком состоянии после смерти Стивена, ты же знаешь. Было бы достаточно бессердечно рассказывать о своих сексуальных отношениях.

У Фэй никогда не было серьезных отношений, но всегда были партнеры по сексу.

– У меня было меньше дерьма, чем у тебя... – Она нахмурилась и подтолкнула качели

так, что я зависла высоко в воздухе. Было не так много моментов, когда Фэй сохраняла серьезность, но Стивен был ей как брат. Она познакомила нас во время учебы в колледже. Они боролись и спорили круче, чем любая пара братьев или сестер, каких я видела. И очень друг о друге заботились. Знали друг друга с пятого класса и были лучшими друзьями. Теперь я увидела, как гаснут и затуманиваются ее глаза, а раньше я даже не замечала этого, живя в своем собственном мире отчаяния. Я совершенно выпустила из внимания, что подруга потеряла практически брата. Она откашлялась и натянуто улыбнулась:

– У меня было намного меньше дерьма, Лиз.

Она толкнула качели вверх.

– Но я хочу, чтобы ты знала, Фэй, что ты все можешь рассказать мне. Я хочу знать все о том, что ты испытываешь при своих диких сексуальных увлечениях. К тому же у тебя же еще все впереди, ты так молода! И, господи, да посмотри ты на свои сиськи!

Она дико расхохоталась, откинув голову назад. Когда Фэй смеялась, вся вселенная чувствовала ее счастье.

– Я знаю, сиськи – это не шутка.

– Мы должны вернуться на работу раньше, чем будем уволены, – напомнила я.

– Если он меня уволит, он будет ходить с отбитыми яйцами до конца дней.

– Фэй, – покраснела я, оглядываясь на людей, пляющихся в нашу сторону. – Тебе нужно фильтровать речь.

– Фильтры для сигарет, а не для людей, Лиз, – пошутила она.

Мы пошли по направлению к кафе, держась за руки.

– Я счастлива, что ты вроде бы вернулась, Лиз, – прошептала Фэй, положив голову мне на плечо.

– Вроде? Что ты имеешь в виду? Я здесь, я вернулась.

Она посмотрела на меня с понимающей улыбкой.

– Пока не знаю. Но достаточно скоро это случится, малышка.

Глава 5

Элизабет

– Лиз, у тебя есть совесть – уехать с Эммой и даже не позвонить?!

Мама отчитывала меня по телефону.

Эмма и я второй день не ночевали в ее доме, и она позвонила только сейчас. Либо она была расстроена из-за того, что мы оставили ей всего лишь записку, либо потому, что она все это время шаталась по городу с очередным незнакомцем и вернулась домой только сейчас. Я склонялась ко второму варианту.

– Прости, мама, но ты знала, что мы планировали уезжать... нам нужно попытаться начать все заново, – попробовала объяснить я.

– Начать *новую* жизнь в *старом* доме? Бессмыслица какая.

Я не ожидала от нее понимания, поэтому сменила тему.

– Как прошел ужин с Роджером?

– Ричардом, – поправила она. – Не притворяйся, будто не помнишь имя. И это было удивительно. Я думаю, он именно тот...

Я закатила глаза. Каждый парень, которого она видела, – всегда был ИМЕННО ТОТ. Ровно до того момента, пока новый не появлялся в ее жизни.

– Закатываешь глаза? – спросила мама.

– Нет.

– Правда?! Ты иногда так неуважительна!

– Мама, мне нужно работать, – солгала я. – Ничего, если я перезвоню тебе попозже?

Может быть, завтра.

Может, на следующей неделе.

Мне просто нужна свобода.

– Отлично. Но не забывай, кто был рядом с тобой, когда вы остались совсем одни, малышка. Уверена, родители Стивена помогают вам сейчас, но рано или поздно наступит момент, когда ты поймешь, кто твоя настоящая семья, а кто нет.

Я никогда не была так рада тому, что разговор окончился.

Позже я стояла во дворе, смотрела на дикие кусты и высокую траву и пыталась вспомнить, как все выглядело раньше. Стивен сделал это место очень красивым. У него был наметан глаз на детали, но я уже почти не могла представить аромат цветов, которые он посадил здесь и которые теперь были мертвы.

– Закрой глаза, – прошептан Стивен, подходя ко мне, держа руки за спиной.

Я сделала, как он сказал.

– Как называется этот цветок? – спросил он. Аромат ударил мне в нос, и я улыбнулась.

– Гиацинт.

Я улыбнулась шире, когда почувствовала его губы на моих.

– Гиацинт, – повторил он. Я открыла глаза. Он пристроил цветок мне за ухо.

– Я думаю посадить несколько кустов у пруда во дворе.

– Это мой любимый цветок, – сказала я.

– А ты – моя любимая девушка, – ответил он.

Я моргнула и вернулась в настоящее. Аромат из прошлого исчез.

Я перевела взгляд на соседний дом, там двор был еще хуже, чем у меня. Дом был из красно-коричневого кирпича и мрамора цвета слоновой кости, вьющегося по каждой из сторон. Трава вокруг дома была раз в десять выше, чем моя, и на заднем крыльце я увидела разбитого на куски садового гнома. Пластиковая желтая детская бейсбольная бита валялась в буйной зелени рядом с игрушечным динозавром. В сарае я заметила небольшой стол с облупленной красной краской. Дрова были сложены у сарая. Я удивилась, как кто-то вообще мог здесь жить. Дом казался более заброшенным, чем какой-либо другой, и я задалась вопросом – чем занят мой сосед, что не может уделить внимание двору?

В конце нашего квартала за домами был исток лесного ручья. Он выбирался на поверхность среди деревьев. Я знала, что дальше, в глубине леса, змеилась узкая речка, скрытая в полутемной чащобе, раскинувшейся на много миль вперед. Большинство людей не подозревали, но лесной массив на самом деле был внушительный. Когда я училась в колледже, мы со Стивеном обнаружили ручей. Вода обнажила камень. На нем были инициалы СТ и ЭЛ. Они были высечены там, где начиналась река в темном лесу, когда Стивен сделал мне предложение. Недолго думая, я отправилась в сторону леса и вскоре сидела под деревьями, глядя вниз на свое отражение в воде.

Один вдох.

Мелкая рыбешка мирно уплывала вниз по течению, вдруг вода всколыхнулась и раздался всплеск. Я развернулась налево в сторону, откуда доносился шум, и мои щеки тут же покраснели – я увидела Тристана, стоящего в реке без рубашки в одних шортах для бега.

Он умывался, наклоняясь к воде и потирая пальцами буйно растущую бороду. Мой взгляд скользнул по загорелой груди, покрытой волосами. А он тем временем плескал воду, омывая себя.

Татуировки покрывали его левую руку и вились вокруг предплечья. Я изучала их, не в силах отвести взгляд. Их было много, мои глаза пытались разобраться в них. *Я знаю эти татуировки.* Это были маленькие шедевры из детской классики. Аслан из Нарнии. Монстр КЭРОЛ из «Там, где живут чудовища». Вагончик из «Детей из товарного вагона». На груди были слова: «Мы все здесь сумасшедшие» из приключений Алисы в Стране чудес.

Внутри все взорвалось от увиденного. Нет ничего более потрясающего, чем человек, который не только знает самые что ни на есть классические истории всех времен, но еще и «выставил» их на своей личной книжной полке.

Вода скатывалась с его мокрых волос на лоб и каплями падала на грудь.

Я замерла и молча гадала, знает ли он, как пугающе красив. Мне казалось, что я возвращаюсь в сказку, обращаясь к волшебному Филину на его плече, пока разглядывала его тело.

– *Мистер Филлин, как долго я могу смотреть на этого человека, прежде чем это выйдет за рамки приличия?*

– *Я не знаю, Лиз. Давай выясним. Один... два... три...*

Он не замечал меня, сердце колотилось, и я стала медленно отходить от реки, надеясь, что он не увидит. Зевс был привязан к дереву и, когда заметил меня, сразу залаял.

Черт!

Тристан посмотрел на меня, его глаза были дикими, как и раньше. Он замерз, вода капала с груди на край шорт. Я остановилась и только потом поняла, что смотрю прямо на его шорты. Под его жестким взглядом я отвела глаза. Он не сдвинулся ни на дюйм. Зевс

продолжал лаять и вилять хвостом, пытаясь сломать древесный ствол.

– Следишь за мной? – спросил он. Его слова были резкими и отрывистыми, не предполагали ответа и тем более диалога.

– Что? Нет.

Он приподнял бровь.

Я смотрела на его татуировки. «О, Доктор Сьюз “Зеленые яйца и ветчина”». ^[5] Он заметил мой взгляд.

Чушь. Хватит, Лиз.

– Извини, – пробормотала я, ощущая, как краснею. Что он делает?

Он приподнял другую бровь. Он ни разу не моргнул, пока смотрел в мою сторону. Хотя он мог бы что-то сказать, но находил гораздо большее удовольствие в том, чтобы заставлять меня нервничать и смущаться. На него было больно смотреть, ведь он был сломлен, но каждая израненная часть его существования, казалось, увлекала меня.

Я наблюдала за ним, пока он отвязывал поводок Зевса от дерева и шагал в направлении, откуда пришла я. Я осталась позади, собиралась возвращаться.

Он остановился.

Медленно повернулся ко мне.

– Прекрати преследовать меня, – прошипел он.

– Я преследую?!

– Ты.

– Нет!

– Да.

– Нет! Нет! Нет!

Он поморщился:

– Ты как пятилетний ребенок.

Он развернулся и продолжил идти вперед. Я тоже медленно пошла за ним. Он бросал на меня короткие взгляды и время от времени хмыкал, но мы не проронили больше ни слова. Когда мы достигли опушки, он и Зевс подошли к дикому двору рядом с моим домом.

– Я так предполагаю, что мы соседи, – сказала я со смешком.

Он уставился на меня, и мой желудок сделал сальто. В груди что-то екнуло и зазвенело в кишках, когда он смотрел прямо в мои глаза.

Мы оба зашли в свои дома, так и не попрощавшись.

...Я поужинала в одиночестве, устроившись за обеденным столом. Когда выглянула из окна столовой, увидела Тристана, сидящего за своим столом. Его дом казался темным и пустым. Одиноким. Он оглянулся по сторонам и заметил меня. Я выпрямилась. И послала ему улыбку. Он встал, подошел к своему окну и закрыл жалюзи. Я сразу же поняла, что окна наших спален тоже находятся друг напротив друга, и он не замедлил закрыть шторы и там тоже. Я позвонила Эмме, чтобы узнать, не раздуло ли ее еще от конфет за время пребывания у бабушки с дедушкой.

Было около восьми вечера, я сидела на диване в гостиной, уставившись в пустоту, стараясь не плакать. Мне написала Фэй.

Фэй: Ты в порядке?

Я: Я в порядке.

Фэй: Ищешь компанию на вечер?

Я: Не сегодня. Устала.

Фэй: Ищешь компанию на вечер?

Я: Я засыпаю...

Фэй: Ищешь компанию на вечер?

Я: Завтра.

Фэй: Люблю тебя, буфера.

Я: Люблю тебя, буфера.

Стук во входную дверь, который последовал после сообщения, не удивил меня. Я была уверена, что уговорить Фэй оставить меня в покое нереально, ведь она знала, что, если я говорю, что все хорошо, значит, я вовсе не в порядке. Каково же было мое удивление, когда я увидела за дверью много людей. *Друзья*. Вожаком стаи была Фэй в обнимку с самой большой бутылкой текилы, известной человечеству.

– Ищешь компанию на вечер? – ухмыльнулась она.

Я уставилась на пижаму, а потом взглянула на текилу.

– Совершенно точно – да.

– Если честно, я думал, ты захлопнешь дверь перед нашими мордами, – произнес кто-то знакомый позади меня, когда я стояла на кухне, наливая четыре стакана.

Я обернулась и увидела Таннера, который подходил ко мне, подбрасывая, как обычно, монету. Я бросилась в его объятия и крепко обняла.

– Привет, Лиз, – прошептал он, обнимая изо всех сил.

Таннер был лучшим другом Стивена. Они были так близки, что мне порой казалось, что мой муж может уйти от меня к мужчине. Таннер был стройным парнем с темными глазами и светлыми волосами. Он работал в автомагазине, который снял, когда его отец заболел. Он и Стивен стали закадычными друзьями на первом курсе в колледже, парни были соседями по комнате. И хотя Таннер прервал обучение после первого курса, чтобы работать на своего отца, они продолжали дружить. Таннер улыбнулся и выпустил меня. Он поднял два рокса, ^[6] в которые я налила выпивку, протянул один мне, и мы чокнулись. Затем поднял два других и мы снова чокнулись. Я улыбнулась:

– Знаешь, все четыре, вообще-то, были для меня.

– Знаю, знаю, просто спасаю твою печень. Немного.

Я наблюдала, как он полез в карман и достал оттуда монету. Все ту же монету, которую постоянно крутил между пальцами. Это была странная привычка, но он делал так еще до того, как мы познакомились.

– Я вижу, монета на месте? – засмеялась я.

Он улыбнулся в ответ.

– Никогда не выхожу из дома без нее, – ответил он со смешком и положил обратно в карман.

Я рассматривала его лицо, и грусть росла во мне. Он, наверное, не знал, но иногда глаза его смотрели так печально.

– Как ты?

Его плечи поднялись и опустились.

– Так приятно снова видеть твое лицо. Все так быстро произошло... К тому же ты так

внезапно исчезла после... – Его слова замерли. Все и всегда запинаятся, когда кто-либо собирается упомянуть о смерти Стивена.

– Я вернулась, – кивнула я и налила еще четыре стакана. – Эмма и я приехали, чтобы остаться. Мне просто нужно немного воздуха, вот и все.

– Ты еще водишь свою дерьмовую машину? – спросил он.

– Да. – Я закусил нижнюю губу. – Я сбила собаку на днях.

Он приоткрыл рот.

– Вот черт!

– Собака в порядке, но моя дерьмовая машина не выдержала такого удара.

– Давай я посмотрю, – предложил он.

Я пожала плечами.

– Все в порядке. Теперь я в основном хожу пешком. Места здесь не так уж много.

– Тебе понадобится машина, когда придет зима.

– Не волнуйся, Таннер Майкл Кейз, все будет хорошо.

Он ухмыльнулся:

– Ты же знаешь, я ненавижу, когда ты называешь меня полным именем.

Я засмеялась:

– Именно поэтому я это и делаю.

– Ну, мы должны произнести тост, – предложил Таннер.

Фэй ворвалась в комнату и высоко подняла один из роксов.

– Я есть везде, где звучат тосты и присутствует текила!

Она хихикнула.

– Или водка, виски, ром, медицинский спирт...

Я засмеялась, мы втроем подняли стаканы. Таннер откашлялся:

– За старых друзей и новые начинания. Мы скучали по тебе и Эмме, Лиз, и мы чертовски рады, что вы вернулись. Может, ближайшие несколько месяцев вам будет нелегко, но помните, что вы не одни.

Одним быстрым движением мы чокнулись и выпили.

– Так. Вопрос на миллион. Я хочу поменять все замки в доме и во дворе – пусть это будет началом новой жизни. И вы наверняка знаете, кто смог бы это сделать.

– Сэм наверняка может.

– Сэм?

– Помнишь парня, которого я собиралась уволить, чтобы мы могли нанять тебя? Самый неуклюжий парень в кафе. Его папа держит магазин, где Сэм работает на полставки, делая подобные вещи.

– Серьезно? Ты думаешь, он меня выручит?

– Конечно. Я ему скажу, что он должен, иначе я его уволю. – Фэй подмигнула. – Он странный, но в своем деле хорош и быстр.

– С каких пор ты любишь быстрых ребят? – пошутила я.

– Иногда девушке нужен просто член, пиво и реалити-шоу по телику, и все это в течение тридцати минут. Никогда не стоит недооценивать вариант «по-быстрому».

Фэй налила себе еще стакан.

– Твоя подруга, наверное, первая женщина из тех, кого я когда-либо встречал, которая думает, как мужчина, – пошутил Таннер.

– Ты знал, что она и Мэтти...

– Трахаются? Естественно! Сразу после того, как ты уехала. Ей, видимо, нужна была подруга, чтобы обсудить человека либо пожаловаться на жизнь, и она почему-то решила, что я выгляжу так, будто у меня есть вагина. Она появлялась в автомагазине каждый день с рассказами о Жирном колбасном короле Мэтти, которые, кстати, ставили меня в чрезвычайно неудобное положение.

Я хихикнула:

– Ты имеешь в виду, тебе не понравилось новое прозвище для ее секс-отношений?

Он наклонился.

– Капризуля Франки? Это вообще возможно?

– Ну, Фэй далека ото лжи.

– Так себе прозвище, честно говоря.

Я улыбнулась, скорее из-за алкоголя, но частично и потому, что Таннер напомнил мне о временах, когда жилось беззаботно.

– Как мисс Эмма?

– Нахальная, как всегда, – вздохнула я, думая о своей малышке.

– Как и ее мать, – рассмеялся он.

Я слегка толкнула его плечом.

– Думаю, многое она взяла от отца.

– И то правда. Он был настоящей занозой в заднице. Помню, мы отправились на Хэллоуин и Стив думал, что он может драться с кем угодно, так как был в костюме ниндзя. Он орал об этом всем, кого мы встречали по дороге, но вместо того, чтобы быть суперниндзя в реале, он оказался с подбитым глазом и нас выгнали из трех баров.

Мы оба хихикали, вспоминая, насколько ужасно вел себя мой муж, когда выпивал.

– Если я правильно помню, ты не лучшим образом влиял на него. Ты всегда много пил. А еще здорово выделялся, что подзадоривало людей, и в итоге это заканчивалось избиванием моего мужа.

– Это правда. Я не самый хороший человек, когда выпью слишком много. Но Стив понимал это. Блин. Я скучаю по этому мудаку, – вздохнул он.

Мы перестали смеяться, мой взгляд стал тяжелым. Его глаза тоже опустились, и мы сидели молча, чувствуя себя одинаково паршиво.

– Ладно, – сказал Таннер, меняя тему. – Пейзаж у тебя во дворе – полное говно. Я мог бы прийти покосить траву, если хочешь. И мы поднимем забор, чтобы твой двор стал более закрытым.

– О нет. На самом деле всем этим я собираюсь заняться сама. Я работаю только на полставки, поэтому могу что-то еще делать, пока не подыщу настоящую работу.

– Не думала вернуться в дизайн?

Вопрос недели. Я пожала плечами.

– Я не думала ни о чем с прошлого года.

– Ну, это и понятно. Тебе точно не нужна помощь, чтобы навести порядок? Мне совсем несложно помочь тебе.

– Да, уверена. Наступил момент, когда я должна начать делать все сама, знаешь ли.

– Я услышал тебя. Но думаю, тебе следует забить это воскресенье для меня. Хочу кое-что тебе дать.

Я улыбнулась:

– Подарок?

– Что-то вроде этого.

Толкнув его в плечо, я сказала, что мы могли бы встретиться в четверг вечером, если Эмма может присоединиться к нам.

Он кивнул, затем понизил голос, глядя на меня:

– Что для тебя во всем этом сложнее всего?

Мне ответить было легко.

– Бывает момент, когда Эмма делает что-нибудь забавное и я зову из другой комнаты Стивена, чтобы он пришел и посмотрел на нее. После этого я останавливаюсь и вспоминаю.

Я прикусила ноготь большого пальца.

– Достаточно грустная история. А что насчет тебя? Все еще встречаешься с Пэтти?

Он насупился:

– Мы вообще не разговариваем.

Я была не удивлена. У Таннера была та же особенность, что и у Фэй.

– Ну, разве мы не два грустных и одиноких гороха в стручке? – Он со смехом поднял бутылку текилы, наливая добавку. – Давай, за нас.

Остаток ночи растворился в воздухе. Я вспоминала и хохотала над вещами, возможно, совершенно не смешными, плакала из-за вещей, от которых даже не было грустно, но это была лучшая ночь за последнее время. Когда я проснулась на следующее утро, я даже не могла точно сказать, как я очутилась в кровати. Я не спала в своей постели после аварии.

Потянувшись за подушкой Стивена, я прижала ее к себе. Глубоко вдохнула запах хлопковой наволочки и закрыла воспаленные глаза. Даже если я еще горюю по нему, глупо отрицать факт того, что сейчас я дома.

И это именно то, что было нужно.

Глава 6

Элизабет

Сэм пришел, чтобы поменять замки в доме и во дворе. Я знала, что Фэй отзывается о нем ужасно, но с ним было так легко и весело. Он был светловолосым, а за прямоугольными стеклами очков прятался внимательный взгляд карих глаз. Его голос всегда был низким, когда он говорил со мной, был очень славным. Если вдруг ему казалось, что он обидел меня чем-то, хотя этого ни разу не было, он сразу шел на попятную и извинялся, мило заикаясь.

– Некоторые из этих замков совсем хреновые, но другие находятся в довольно сносном состоянии, Элизабет. Ты уверена, что хочешь поменять их все? – спросил он. – К сожалению, глупый вопрос. Не пригласили бы меня сюда, если бы тебе не нужно было бы их менять. Прости, – извинился он.

– Нет, все нормально, – улыбнулась я. – Я просто хочу начать все заново. Вот и все.

Он сдвинул очки вверх на переносицу и кивнул.

– Конечно. Я думаю, за пару часов управлюсь.

– Идеально.

– Ой! Позволь мне кое-что показать. – Он побежал к своей машине и вернулся с какой-то крохотной вещью в руке. – Мой отец получил новые камеры слежения, если интересно. Камеры маленькие, их легко спрятать, чтобы не привлекали внимания. Несколько камер можно было бы расположить вокруг двора, для дополнительной безопасности. Я думаю, если бы я был красивой женщиной, которая живет одна с маленькой дочкой, я бы хотел дополнительную защиту.

Я улыбнулась немного настороженно.

– Думаю, я немного подожду с этим. Еще раз спасибо, Сэм.

– Никаких проблем, – рассмеялся он. – Единственным человеком, который купил это, был Таннер, так что я сомневаюсь, что будут огромные продажи, как надеялся мой отец.

Он работал быстро и все сделал отлично. Прежде чем я это поняла, все замки в доме сверкали новым брендом.

– Чем я еще могу помочь? – спросил он.

– Это все. Мне нужно идти, я должна быть в кафе через 10 минут, а машина меня очень сильно подводит, так что нужно успеть пешком.

– Ни в коем случае. Я подвезу.

– Нет-нет, я прекрасно хожу пешком.

– Но там начинает моросить. Ты же не хочешь попасть под дождь?

Я засопела:

– Ты уверен?

– Конечно! – Он открыл и придержал дверь со стороны пассажирского сиденья. – Абсолютно никаких проблем.

Пока мы ехали в город, Сэм спросил меня, как я думаю, почему он не нравится Фэй. Я старалась получше объяснить, что Фэй никто не нравится, – по крайней мере на первый взгляд.

– Дай ей немного времени. Она изменит свое мнение.

– Она сказала, что я во всем похож на психопата, – пошутил он.

– Да. Ну она и стерва.

– И твоя лучшая подруга.

Я усмехнулась.

– Лучшая подруга из всех, которые когда-либо были у меня.

Остаток пути в город Сэм рассказывал мне все, что знал о каждом человеке, которого мы встречали. Он сообщил – поскольку большинство людей считают его странным и игнорируют его, то это дает возможность подслушивать все сплетни в окрестностях города.

– Вот справа Люси, – сказал Сэм, указывая на девушку с мобильным телефоном. – Она самая грамотная в городе. Даже выигрывает конкурс орфографии каждый год в течение пяти лет. А вон там Моника. Ее папаша – алкоголик. Между нами, я знаю, что по пятницам он пьет в доме Бонни Дин. По вечерам. А там Джейсон. Он надрал мне задницу несколько месяцев назад, потому что думал, что я назвал его каким-то идиотским прозвищем. Он, правда, извинился позже, сказав, что был под наркотой.

– Вау! Ты действительно знаешь все обо всех.

Он кивнул.

– Ты как-то должна пойти со мной ненадолго на городское собрание или что-то типа этого, тогда я смогу показать, какое сумасшествие творится вокруг этого места.

Я улыбнулась.

– Это было бы потрясающе!

Когда мы подъехали к кафе, у меня внутри все напряглось. Я пристально посмотрела на другую сторону улицы.

– А что насчет него? – спросила я, глядя на Тристана, бегущего в своих наушниках вдоль улицы. Когда он добежал до магазина господина Хэнсона, снял наушники и зашел внутрь. – Что скажешь о нем?

– Ты имеешь в виду Тристана? Он мудака. И сумасшедший.

– Сумасшедший?

– Ну, он работает на мистера Хэнсона. Нужно быть психом, чтобы иметь дело с Хэнсоном. Господин Хэнсон практикует вуду и прочее... в своей задней комнате. Это странно. Хорошо, что Таннер пытается получить разрешение на закрытие этого магазина.

– Что?

– Ты не слышала? Таннер хочет расширить свой автомагазин, и магазин Хэнсона является единственным препятствием. Он пытался начать акции протеста, чтобы заставить мистера Хэнсона отказаться от своего магазина. Он говорит, что это пустая трата пространства, поскольку никто и никогда не ходит в это место.

Я не могла не задаться вопросом – что там действительно за история с магазином мистера Хэнсона, а так же почему Тристан работает там.

Во время работы я постоянно бросала взгляд через улицу на магазин мистера Хэнсона. Тристан двигал вещи. Магазин был напичкан всевозможными магическими штуками. Кристаллы, карты Таро, жезлы...

– У тебя есть вибратор?

Когда эти слова прозвучали из уст моей подруги, я моментально отвлеклась от наблюдения и чуть не выронила три тарелки с гамбургерами и картошкой фри, пытаюсь сохранить баланс.

– Фэй! – закричала я шепотом, но мои щеки стали пунцовыми.

Она окинула взглядом кафе, шокированная моей реакцией на свой не очень уместный

вопрос.

– Что? Ты ведешь себя так, как если бы я спросила, есть ли у тебя герпес. Вибраторы в наши дни – это нормально. А я как раз думала на днях о твоей бедной, забытой, как у бабушки, вагине.

Мое лицо горело.

– Как это мило.

Я рассмеялась, расставляя тарелки с подноса перед тремя пожилыми дамами, которые дарили мне самые что ни на есть грубые взгляды, полные отвращения.

– Что еще я могу сделать для вас? – спросила я.

– Может быть, ваша подруга могла бы следить за своей речью?

– Я сделаю что смогу, поверьте мне, – улыбнулась я и направилась к Фэй, умоляя ее произносить слово «вагина» шепотом.

– Слушай, Лиз, все, что хочу сказать – слишком долго уже ты не занималась этим. Это что? Как там? Вроде как Джордж из джунглей^[7] встречает Золотую девочку?^[8] А внизу больше волос, чем на голове? – спросила она, коснувшись моих волос.

– Я не буду отвечать.

Она полезла в карман передника и вытащила свою маленькую черную книжку с номерами телефонов, которая всегда доставляла проблемы в прошлом.

– Что ты делаешь? – спросила я настороженно.

– Я ищу тебе член на вечер.

– Фэй. Я не думаю, что готова к эмоциональной связи с кем-нибудь.

– Какого черта заниматься сексом с эмоциями? – спросила она совершенно серьезно. Я даже не знала, что ответить на это. – Во всяком случае я знаю парня, который может помочь очистить твой сад от сорняков. Его зовут Эдвард. Он творческий гений, когда дело касается этих вещей. Однажды, на День святого Валентина, он сделал мне интимную стрижку в форме сердечка.

– Ты такая заботливая.

Она улыбнулась.

– Я знаю. Но я могу назначить встречу с Эдвардом руки-ножницы для тебя, а затем ты сможешь выбрать любого парня в моей книжке, чтобы поиметь хороший легкий секс на одну ночь.

– Я не делаю это на одну ночь.

– Ладно. Можешь «на подольше», если захочешь, – она усмехнулась. – А если серьезно, Лиз. Ты не думала о свиданиях? Это не обязательно должно быть что-то серьезное. Я думала, это могло бы быть хорошо для тебя. Я не хочу, чтобы ты застревала в этой пустоте.

– Я не застряла, – возразила я, слегка обидевшись. – Все просто – у меня есть дочь. И прошел всего год после смерти Стивена.

Вау.

Я была настолько впечатлена, что эти слова сорвались с моего языка без каких-либо сверхэмоций.

– Я не хотела напоминать тебе об этом. Ты же знаешь, как я люблю тебя, и знаешь, как много Стивен значил для меня.

– Я знаю...

– Слушай, я, конечно, шлюшка, но даже таким, как я, иногда разбивают сердца. И когда мне нужно забыть о каких-либо плохих вещах, всегда помогает секс.

Я засмеялась.

– Не думаю, что к этому уже готова, но я буду иметь это в виду.

– Я понимаю, дорогая. Но если наступит момент, когда ты почувствуешь, что тебе нужна моя маленькая книга... Ты просто дай знать.

Я улыбнулась.

– Твоя маленькая книга кажется слишком маленькой сейчас. Я могу поклясться – она была больше.

Ее рука скользнула в карман фартука и вытащила еще две.

– Не глупи. Я просто попыталась показаться женственной, но только один раз.

Во время обеденного перерыва любопытство взяло верх и я переступила порог магазина господина Хэнсона. В течение нескольких секунд я осматривалась и могла бы сказать, что здесь продается все волшебное. Половина магазина была занята кофейней, а вторая половина уставлена шкафами, которые были наполнены вещами, которые я видела во многих историях и фильмах о сверхъестественном. Когда я вошла, колокольчик над дверью зазвенел, привлекая внимание мистера Хэнсона и Тристана, которые смотрели на меня с недоумением.

Я изо всех сил старалась вести себя обычно, как будто меня что-то здесь интересовало, хотя я по-прежнему чувствовала на себе их взгляды.

Я замерла на мгновение, потянувшись на верхнюю полку одного из книжных шкафов. Книга заклинаний? *Ладно*. Переплет был весь истрепан и покрыт пылью. Я взяла другую книгу. Обе они выглядели старше, чем грязь, въевшаяся в полки, но все же были очень красивы.

Папа любил находить старые книги, похожие на те, что были в винтажных магазинах. У него была огромная коллекция старых книг, все на разных языках и по предметам, о которых он совершенно не имел представления.

Он просто любил их касаться. Чувствовать и рассматривать.

– Сколько за эти две? – спросила я господина Хэнсона.

Он молчал. Я подняла брови:

– Извините. Вы закрыты? – Когда мой взгляд переместился на Тристана, я держала книги у груди и мои щеки покраснели. – Привет.

Мистер Хэнсон перебил меня, и, наверное, это было к лучшему:

– Ой! Нет-нет. Мы открыты. У нас просто не так много посетителей. Особенно посетителей, которые осматриваются так легко, как вы, – сказал мистер Хэнсон, присаживаясь на край столешницы. – Как ваше имя, дорогая?

Его вопрос заставил меня отвести взгляд от Тристана, и я, откашлявшись, с радостью отозвалась:

– Элизабет. А ваше?

– Я мистер Хэнсон. И если бы я не был раз в 400 старше вас и не был заинтересован в мужской анатомии, то серьезно бы задумался, не пригласить ли вас на танцы в амбар старого дома.

– Танцы? Что заставляет вас думать, что девушка вроде меня интересуется танцами?

Мистер Хэнсон не убрал маску удовольствия со своего лица, но промолчал.

Я подошла и села рядом с ним.

– Это ваш магазин?

– Да, мой. Каждый квадратный дюйм. Каждый квадрат, целиком. Если ты не хочешь его

забрать, – рассмеялся он. – Если хочешь – забирай, он твой. Каждый квадрат, целиком.

– Очень интересно. Но скажу сразу – я прочитала все книги Стивена Кинга раз по пять и идея владеть магазином под названием «Нужные вещи» немного настораживает.

– Между нами говоря, я думал о названии «В ответ на молитвы», но я не такой уж религиозный парень.

Я хихикнула. Тристан тоже.

Я посмотрела на него – приятно, что мы засмеялись одновременно, но он тут же посерьезнел.

Мой взгляд упал на книги.

– Я могу купить несколько?

– Они твои. Бесплатно.

– О нет... я хочу заплатить.

Мы спорили, но в конечном счете мистер Хэнсон сдался.

– Вот именно поэтому я интересуюсь мужчинами. Женщины слишком похожи на меня. Приходите еще, я вам бесплатно разложу карты Таро.

Я улыбнулась:

– Звучит заманчиво.

Он встал и направился в кладовую.

– Тристан, обслужи клиентку, ладно?

Он повернулся ко мне и кивнул, прежде чем уйти. Тристан пошел к кассе, я последовала за ним. Не спеша положила книги на прилавок. Мои глаза переместились на рыжеватокоричневые и черные фото на стене позади меня.

– Прекрасные, – сказала я, пристально вглядываясь в картины.

Тристан выбил в терминале номера книг.

– Спасибо.

– Это ты снимал?

– Нет, – сказал он, взглянув на снимки. – Я вырезал из дерева, а затем добавил черных чернил.

Я открыла рот в недоумении и подошла поближе. Чем внимательнее я разглядывала, тем больше понимала, что «фото» на самом деле были вырезаны из дерева.

– *Прекрасные*, – пробормотала я снова. Когда мои глаза встретились с его взглядом, желудок нервно сжался.

– Эй, – повторила я на этот раз со вздохом. – Как ты?

Он выбил чек, игнорируя мой вопрос.

– Ты, блин, платить собираешься или как?

Я нахмурилась, но он, казалось, не заметил.

– Извини. Да. Держи, – сказала я, вручая ему деньги.

Я поблагодарила его, но, прежде чем выйти из магазина, обернулась еще раз.

– Ты постоянно ведешь себя как придурок, и в городе знают тебя как бездушного человека, но я-то видела тебя в зале ожидания, когда осматривали Зевса. Я видела тебя. Я знаю, что ты не чудовище, Тристан. Я просто не понимаю, почему ты делаешь вид, что ты такой.

– Это твоя самая большая ошибка.

– В чем? – спросила я.

– Ты думаешь, что смогла узнать меня за каких-то пару минут.

Глава 7

Тристан

2 апреля 2014 года

Пять дней до прощания

Когда таксист привез папу и меня в больницу, я бежал всю дорогу в реанимационное отделение. Мои глаза метались вокруг, ища кого-то знакомого.

– Мама! – крикнул я, увидев ее в зале ожидания. Я снял бейсболку и поспешил к ней.

– Ох, дорогой, – воскликнула она, бросаясь ко мне и обнимая.

– Как они там? Как...?

Мама начала рыдать сильнее, ее тело дрожало.

– Джейми... Джейми больше нет, Тристан. Она держалась так долго, как могла, но это было слишком.

Я отстранился и сжал пальцами переносицу.

– Что значит «больше нет»? Она не могла... она в порядке. – Я посмотрел на отца, он был в шоке. Растерянный. Испытывающий боль.

– Отец, скажи ей. Скажи ей, что с Джейми все хорошо.

Он опустил голову. Внутри все горело.

– А Чарли? – спросил я, почти уверенный в том, что не хочу знать ответ.

– Он в палате интенсивной терапии. Состояние тяжелое, он...

– Здесь. Он здесь. – Я провел пальцами по волосам. Он в порядке. – Я могу его увидеть? – спросил я.

Они кивнули. Я поспешил к посту медсестры, и они повели меня к Чарли в палату. Я смотрел на моего мальчика, закрыв ладонью рот. Он был подключен к аппаратам, которых было больше, чем можно себе представить. Из горла выходила трубка, его руки и лицо были в синяках и ранах.

«Господи...» – пробормотал я.

Медсестра неуверенно улыбнулась.

– Вы можете взять его за руку.

– Почему столько проводов? П-п-почему там трубка в горле? – Я заикался. Умом пытался остаться с Чарли, но постоянно подкрадывалась мысль о Джейми. Джейми больше нет, сказала мама. Она ушла. Но как? Как она могла исчезнуть?

– Во время аварии его левое легкое было повреждено, он не мог дышать. Это чтобы помочь ему.

– Он не может дышать самостоятельно?

Она покачала головой.

– С ним все будет хорошо? – спросил я медсестру, не сводя с нее глаз.

– Я не его врач. Только он может...

– Но вы можете ответить, верно? Если бы вы были на моем месте и только что потеряли жену... – я произнес это вслух и захлебнулся от эмоций, – если бы этот мальчик был всем,

что у вас осталось, вы бы хотели знать, есть ли надежда, верно? Вы бы спросили кого-то, чтобы вам сказали, что делать? Как действовать? Что бы вы делали?

– Сэр...

– Пожалуйста, – умолял я. – Пожалуйста.

Она опустила взгляд, прежде чем посмотреть мне в глаза.

– Я держала бы его за руку.

Я кивнул, понимая, что она сейчас сказала больше правды, чем я готов услышать.

Я подошел к стулу около кровати Чарли и взял его руку в свою.

– Эй, дружище. Это папа. Я здесь. Я знаю, я не был рядом столько, сколько мог бы быть, но сейчас я здесь, хорошо? Папа здесь, и я очень хочу, чтобы ты боролся, ради меня. Ты можешь это сделать, приятель?

Слезы катились из моих глаз на его щеки, когда мои губы уткнулись в его лоб.

– Папа нуждается в тебе, мне нужно, чтобы ты дышал. Мы вытащим тебя, потому что ты мне нужен. Я знаю, люди считают, что это ребенок нуждается в родительской любви, но это ложь. Ты мне нужен, чтобы держать меня на плаву. Ты мне нужен, чтобы я верил в этот мир. Дружище, мне нужно, чтобы ты очнулся. Я не могу потерять и тебя тоже, хорошо? Мне нужно, чтобы ты вернулся ко мне... пожалуйста, Чарли... вернись к папе.

Его грудь высоко поднялась, и, когда он попытался выдохнуть, аппараты стали пищать быстро. Прибежали врачи, потянули меня за руку подальше от Чарли, которого начало подкидывать на постели.

Они все начали кричать что-то друг другу, произнося слова, которые я не понимал, делая вещи, которые я не мог осмыслить.

– Что происходит? – орал я, но никто меня не слышал. – Что происходит?! Чарли! – орал я, пока две медсестры пытались вытащить меня из палаты. – Что они делают? Что... Чарли! – Я орал громче и громче, когда они вытолкнули меня из комнаты.

– Чарли!

Поздно вечером в пятницу я, сидя у рабочего стола, набрал номер, который был так хорошо знаком мне, но не использовался в последние дни. Когда пошел гудок, я поднес телефон к уху.

– Алло? – сказал ровный и мягкий голос. – Тристан, это ты?

Настороженность этих слов заставила скрутиться мой желудок.

– Сынок, пожалуйста, скажи что-нибудь, – прошептала она.

Я стучал кулаком по губам, но ничего не отвечал.

Я положил трубку. Я всегда вешал трубку. Сидел в одиночестве и темноте, позволяя ночи поглотить меня целиком.

Глава 8

Элизабет

Я уверена, что перебудила всю округу в субботу утром, пытаюсь запустить сопротивляющуюся газонокосилку. Стивен всегда так легко стриг газоны, у меня же ничего не получалось.

– Давай же! – Я дернула цепочку, чтобы запустить двигатель еще раз. Фыркнув несколько раз, он завелся и тут же заглох. – Господи!

Я продолжала попытки снова и снова, мои щеки покраснелись, я заметила, что несколько соседей с нашей улицы начали пялиться на меня из своих дворов.

Когда чья-то рука схватила мою руку, я как раз собиралась дернуть цепочку еще раз.

– Стоп. – Тристан сердито свел брови, в его глазах было раздражение. – Что, черт возьми, ты делаешь?

Я нахмурилась, глядя на его сжатые губы.

– Стригу газон.

– Нет, ты не стрижешь газон.

– Стригу.

– Нет, не стрижешь.

– Тогда чем я, по-твоему, занимаюсь? – спросила я.

– Ты разбудила весь этот чертов мир, – проворчал он.

– Я уверена, люди в Англии в это время уже просыпаются.

– Хватит трещать. – *Хм-м.* Казалось, и утром, и после обеда, и ночью он вел себя одинаково. Он отставил газонокосилку подальше от меня.

– Что ты делаешь? – спросила я.

– Стригу траву, чтобы избавить чертов мир от раннего пробуждения. Минус Англия.

Я не знала, смеяться или плакать.

– Ты не можешь стричь мой газон. Кроме того, я думаю, она сломана.

Через пару секунд после моих слов он дернул шнур – газонокосилка завелась. *Ужасно неловко.*

– Я серьезно. Ты не можешь стричь мой газон.

Он не обернулся и даже ни разу не взглянул на меня. Он просто начал работу, ту самую, которую я бы никогда не попросила его сделать. Я хотела продолжить спор, но вспомнила бедную кошку, которую он убил за навязчивое мяуканье, и подумала – ладно. Моя маленькая печальная жизнь мне, как бы то ни было, нравилась, и я не хотела подвергать себя риску.

– Ты проделал огромную работу на газоне, – сказала я, наблюдая, как Тристан выключает газонокосилку. – Мой муж... – Я сделала паузу, переводя дыхание. – Мой покойный супруг подстригал траву по диагонали. Он сказал бы: детка, я уберу скошенную траву завтра, я так устал. – Я захихикала, глядя на Тристана, но будто увидела в нем нечто неожиданное. – Остатки травы валялись во дворе еще, как минимум, неделю или две, и это было странно, потому что с газонами других он обращался намного лучше. Но тем не менее мне нравилась эта скошенная трава.

У меня перехватило горло и жгучие слезы наполнили глаза. Я быстро повернулась

спиной к Тристану и смахнула слезинки, что успели прокатиться по щекам.

– В любом случае, мне нравится, как ты сделал диагональные линии.

Глупые воспоминания. Я схватилась за белую металлическую ручку двери, но мои ноги замерли, когда я услышала его голос.

– Они подкрадываются к тебе и отбрасывают в прошлое, – он говорил шепотом, словно заброшенная душа, прощающаяся со своими любимыми. Его голос был мягче, чем прежде, немного грубоватым, как обычно, но в этот раз в нем звучала небольшая доля растерянности. – Эти маленькие воспоминания.

Я обернулась к нему – он стоял, опершись о газонокосилку. В его взгляде было больше жизни, чем когда-либо. Но это была грустная жизнь. Не было никакого гнева в глазах. Я быстро вдохнула, просто чтобы не упасть.

– Иногда я думаю, что маленькие воспоминания куда хуже, чем большие. Я могу справиться с ними в день его рождения или в день смерти, но, вспоминая такие мелочи вроде того, как он косил траву, или как читал комиксы в газете, или как курил сигарету в новогоднюю ночь...

– ...Или то, как она завязывала шнурки, или прыгала по лужам, или касалась моей ладони указательным пальцем и всегда рисовала сердечко...

– Ты тоже кого-то потерял?

– Жену.

Ой.

– И сына, – прошептал он еще тише.

Мое сердце разрывалось.

– Прости, я представить себе не могла... – Мои слова растворились в его пристальном взгляде, устремленном на скошенную траву. Мысль о том, что я могла бы потерять любовь всей моей жизни, мою маленькую девочку, была слишком ужасна – я бы сдалась.

– Как он произносил молитвы, писал «р» задом-наперед, ломал свои игрушки только для того, чтобы я их починил...

Голос Тристана дрожал, как и он сам. Похоже, он уже говорил не со мной. Мы жили в нашем собственном мире крошечных воспоминаний, и хоть мы были двумя разными людьми, каким-то образом нам удалось почувствовать друг друга. Одиноким часто понимает одинокого. И сегодня впервые за бородой я увидела мужчину. Я видела, как он надел наушники, и в моих глазах застыла жалость. В полном молчании он начал сгребать скошенную траву.

Люди в городе называли его придурком, теперь я знала почему. Он не хороший, не стабильный, но он сломан во всех правильных и неправильных местах, и я не могла винить его за холодность. Правда была в том, что я завидовала Тристану, его способности убежать от реальности, закрыть себя от внешнего мира. Ему должно быть приятнее чувствовать себя пустым перед каждым, Господь свидетель – я каждый день думала о своей потере, но у меня была Эмма, она заставляла меня не сойти с ума, оставаться вменяемой. Если бы я потеряла и ее, я бы освобождала свой разум от эмоций и боли, оскорбляя всех вокруг. Закончив работу, он остановился, но грудь его продолжала тяжело подниматься и опускаться. Он повернулся ко мне. Глаза были красными. Мысли его, вероятно, были в хаотичном беспорядке.

Он отер рукой лоб и откашлялся.

– Готово.

– Хочешь с нами позавтракать? – спросила я. – Я приготовила достаточно, тебе хватит.

Он моргнул один раз. Прежде чем стал толкать газонокосилку обратно к моему дому.

– Нет.

Он шагнул в сторону своего крыльца, исчезая из вида. Я стояла в одиночестве, закрыв глаза, положив руку на сердце. Еще немного, и сознание ускользнуло бы от меня.

Глава 9

Элизабет

На следующее утро я должна была прийти в автомагазин Таннера за обещанным сюрпризом, о котором он говорил в начале недели.

Мы отправились в город под Эммино пение. Она исполняла собственную версию саундтрека к фильму «Замерзшие», наталкивающую на мысли о суициде в компании с приятно молчащим чучелом медвежонка.

– Дядя Т.! – закричала Эмма, бросаясь к Таннеру, голова которого пряталась под капотом автомобиля.

Таннер обернулся, его белая рубашка была вся в бензиновых пятнах, лицо тоже измазано.

Он поднял ее на руки и крутанул, прежде чем выпустить из объятий.

– Эй. Что у тебя за ухом? – спросил он ее.

– У меня ничего нет за ухом!

– А я вот думаю, что ты ошибаешься. – Он вытащил свою верную монету из-за уха Эммы, заставляя ее хохотать, что в свою очередь заставило улыбаться и меня. – Как поживаешь?

Эмма улыбнулась и завела глубокий, наводящий на размышления рассказ о том, как я привезла ей платье непосредственно в этот день, и к тому же день этот был ознаменован появлением пурпурной пачки балерины, радужных носков и теннисок с пингвинами-зомби.

Я улыбнулась. Таннер смотрел на нее так, как если бы эта история по-настоящему заинтересовала его. Через несколько минут Таннер послал Эмму с несколькими долларовыми банкнотами атаковать конфетомашины. Гэрри, один из его работников, был командирован с девочкой. Я слушала, как, уходя, Эмма пересказывает несчастному ту же историю о том, как приехал ее наряд. Бедный Гэрри.

– Она симпатичнее, чем я ее помню, – улыбнулся Таннер. – У нее твоя улыбка.

Я поблагодарила, хотя ее улыбка всегда больше напоминала мне Стивена.

– Да! У меня есть кое-что, иди-ка. – Он повел меня в заднюю комнату, где лист прикрывал автомобиль. Когда он снял его, мои ноги почти подогнулись.

– Как? – спросила я, обходя джип, водя по нему пальцами. Джип Стивена выглядел новее, чем когда-либо. – Он же был разбит.

– Ну, шишки и синяки всегда можно исцелить.

– Это, должно быть, стоило целое состояние.

Он пожал плечами.

– Стив был моим лучшим другом. Ты одна из моих лучших друзей. Я просто хотел, чтобы вы имели что-то знакомое, когда вернетесь домой.

– Ты всегда знал, что я вернусь?

– Мы все надеялись. – Таннер прикусил нижнюю губу, уставившись на джип. – Я до сих пор виню себя. За неделю до аварии я умолял его приехать ко мне в магазин, я мог бы проверить автомобиль. Он сказал, что автомобиль будет в норме еще несколько месяцев. Я не смог помочь, но, думаю, может быть, я бы заметил что-то неладное, если бы он заехал повидаться. Если бы он позволил мне заглянуть под капот, то, возможно, он все еще был

бы... – Он зажал пальцами переносицу и замолчал.

– Это не твоя вина, Таннер.

Он прокашлялся и ответил мне натянутой улыбкой.

– Да, ну ладно. Просто каждый раз приходит эта мысль – и сейчас, и раньше... Теперь давай – хоп – внутрь!

Я забралась на водительское кресло. Закрыла глаза и сделала несколько глубоких вдохов. Моя рука лежала на пассажирском сиденье, ожидая теплого прикосновения другой руки. *Не плачь. Не плачь. Все хорошо. Я в порядке.* Затем я почувствовала, что кто-то взял мою руку. Когда открыла глаза, увидела маленькую ручку Эммы. Девочка сидела в кабине, вся перемазанная шоколадом. Она широко улыбнулась, заставляя меня ответить на улыбку.

– Ты в порядке, мама? – спросила она.

Вдох.

– Да, детка. Я в порядке.

Таннер подошел и вложил ключи в мою руку.

– Добро пожаловать домой, леди. Помни, если тебе нужна помощь с газоном и прочее, просто позвони мне.

– Клещ уже сделал это! – воскликнула Эмма.

Таннер поднял бровь:

– ЧТО?

– Ну, я уже наняла парня, чтобы сделать это. Осталось только заплатить.

– Что? Лиз, я мог бы все это сделать бесплатно. Кого ты наняла?

Я знала, что ответ ему не понравится.

– Его зовут Тристан...

– Тристан Коул?! – Таннер провел рукой по лицу, которое стало пунцовым. – Лиз, он мудака.

– Он не такой.

Ладно, именно такой.

– Поверь мне, такой. Он придурок еще тот. Ты не знала, что он работает на мистера Хэнсона? А тот – хренов чемодан безумия.

Не знаю почему, но я воспринимала слова Таннера так, как если бы он говорил обо мне.

– Это жестоко, Таннер.

– Да он сумасшедший. И Тристан опасен. Просто... позволь мне разобраться с работой по дому. Бог мой. Я ненавижу то, что он живет с вами по соседству.

– Он проделал большую работу. Это не такая уж проблема.

– Именно такая. А ты слишком доверчива. Ты должна использовать голову, а не сердце. Ты должна думать... Мне это не нравится, Лиз. И я сомневаюсь, что это понравилось бы Стиву.

– Да. Хорошо. Его больше нет, – прошипела я, испытывая неловкость и боль. – Я не идиотка, Таннер. И я справлюсь с этим. Просто... – Я сделала паузу, выдавливая улыбку. – Спасибо тебе за это. За джип. Ты понятия не имеешь, как много это значит для меня.

Должно быть, он заметил неискренность моей улыбки, потому что положил руку мне на плечо.

– Прости. Я козел. Я просто беспокоюсь. Если с тобой что случится...

– Я в порядке. Мы в безопасности. Клянусь.

– Ладно. Валите, пока я не сказал еще что-нибудь, о чем потом пожалею.

Он улыбнулся:

– Эмма, береги маму, ладно?

– Почему? Я же ребенок, а не она, – дерзко ответила Эмма. Я не смогла возражать, но рассмеялась, потому что она была права на сто процентов

Глава 10

Элизабет

Каждую пятницу, после того как я забрасывала Эмму к бабушке и дедушке, отправлялась в город на фермерский рынок. Все горожане приходили в центр Мидоус-Крик торговать своими продуктами. Запахи свежего хлеба, калейдоскоп цветов, да и городские сплетни всегда делали путешествие стоящим. Стивен и я приходили на рынок, чтобы приобрести свежие цветы, поэтому, когда подошла пятница, я стояла с розами в центре всего этого буйства, и от воспоминаний было больно дышать. Во время каждой поездки на рынок я замечала там Тристана.

Мы не разговаривали с ним с тех пор, как он косил у меня траву, но я не могла забыть его печальные глаза. Не могла перестать думать о его жене и сыне. Он их потерял? Как? Как давно Тристан живет в этом кошмаре?

Я хотела узнать больше.

Иногда он шел в сарай на своем дворе и оставался там в течение нескольких часов. Однажды я увидела, как он вышел, чтобы распилить несколько поленьев, а затем возвратился внутрь, стараясь остаться незамеченным. Всякий раз, когда он проходил мимо, мои щеки вспыхивали и я отворачивалась, делая вид, что не заметила его. Хотя все было не так. Я *всегда и везде* видела его и не могла понять, почему так происходит. Мне все говорили, что он черствый, и я верила им. Я видела суровую действительность, в которой жил Тристан. Но я также видела и другую его сторону, которую многие не замечали. Я видела, как он был растроган, когда узнал, что с Зевсом все в порядке. Я видела, как мучительно для него было рассказывать о потере жены и сына. Я знала нежную и трогательную сторону Тристана.

[Купить полную версию книги](#)

notes

«Bomb-Pops» – замороженный лед трех вкусов (вишня, липа и малина). (Здесь и далее примеч. пер.)

«Cheeto Puffs» – марка сырных чипсов в Америке.

Игра слов. Элизабет назвала Тристана dick (мудак), но Эмме сказала, что имела в виду tick (клещ), что созвучно с tick.

Николас Чарльз Спаркс – всемирно известный американский писатель, автор романов-бестселлеров на темы христианства, любви, трагедии, судьбы и человеческих отношений.

«Зеленые яйца и ветчина» – детская книга, автор Доктор Сьюз.

Конусообразный стакан для виски с толстым дном.

«Джордж из джунглей» – семейный комедийный фильм о дикаре по имени Джордж.

Сериал «Золотые девочки». Сюжет сосредоточен вокруг четырех пожилых женщин, проживающих вместе в доме в Майами.